

Преследование вместо защиты: как государственные институты используются против женщин, пострадавших от домашнего насилия

Этот доклад анализирует системное использование силового и административно-правового ресурса против женщин и девушек, переживших домашнее насилие в России. Исследование основано на семидесяти пяти правозащитных кейсах, экспертных интервью с юристами, адвокатами, сотрудниками кризисных центров и специалистами по работе с пострадавшими женщинами. Большинство проанализированных нами кейсов относится к северокавказскому региону, в основном – к Чечне, Ингушетии и Дагестану.

Результаты исследования показывают, что государственные структуры, призванные защищать женщин от домашнего насилия, нередко становятся соучастниками их преследования, либо способствуют ему через бездействие, фабрикацию обвинений, передачу женщин или девушек родственникам после побега, игнорирование угроз их жизни и неисполнение судебных решений. Во всех кейсах прослеживается своеобразная приватизация государственных структур - то есть использование полиции, следствия и судов в интересах частных лиц, что превращает государственные органы в инструмент патриархального контроля. В этих условиях женщины практически лишены возможности получить эффективную защиту внутри страны. Часто их безопасность зависит от поддержки со стороны правозащитников или возможности выезда из страны.

Наиболее остро эта проблема проявляется в отдельных северокавказских республиках, где тесно переплетены семейные, религиозные и государственные структуры. Полиция, следственные органы, суды, органы опеки, муфтият и родственники женщин и девушек часто действуют совместно, как единый механизм. Влияние родственных связей и локальных социальных практик становится ключевым фактором, определяющим судьбу женщины. Преследование осуществляется, как правило, через такие механизмы, как: объявление в розыск по сфабрикованному делу; слежка, незаконное задержание; насильственное возвращение в семью и ситуацию насилия; прямое вторжение в шелтеры; изъятие детей; неисполнение судебных решений; психологическое и моральное давление; запугивание и обеспечение безнаказанности агрессору. Мы рассматриваем ситуации, когда женщины и девушки бежали от насильственных браков, систематических избиений и истязаний, угроз “убийств чести”, незаконного лишения опеки над детьми.

Дискриминационным и насильственным практикам давления на женщин в делах об опеке доклад уделяет особое внимание. В Чечне, Ингушетии и в определенной степени в Дагестане по-прежнему сохраняется социальная установка на то, что после развода дети должны оставаться с отцом. В результате суды, судебные приставы и органы опеки систематически принимают сторону отцов, игнорируя интересы матери и ребенка. Даже если суд принимает сторону матери, бездействие судебных приставов лишает женщин возможности реализовать свое право на воспитание детей, а нередко даже на возможность контакта и общения с ними. В ряде проанализированных нами случаев мужчины использовали связи в силовых ведомствах, чтобы инициировать уголовное дело, незаконное задержание или серьезные угрозы в отношении матери своих детей. Европейский суд по правам человека неоднократно указывал на дискриминационный характер подобных практик.

Одновременно усиливается давление на правозащитников, адвокатов и сотрудников шелтеров, которые также сталкиваются с угрозами, слежкой и рисками уголовного преследования. В особенности это касается тех, кто помогает женщинам из северокавказского региона. Такая помощь воспринимается семьями агрессоров, а в Чечне и местными властями, как неправомерное вмешательство в их частную жизнь и в существующий традиционный порядок что делает правозащитную работу в регионе крайне опасной и препятствует эффективной

защите пострадавших от домашнего насилия и дискриминационных практик.

Все эти тенденции развиваются на фоне реализации государственной политики поддержки “традиционных ценностей”, направленной на усиление репродуктивного контроля, декриминализации побоев, отсутствия закона о домашнем насилии, отхода от международных обязательств в сфере защиты прав женщин.

Исследование подчеркивает необходимость срочных и системных действий для решения выявленных проблем. Среди приоритетных мер - прекращение практики насильственного возвращения женщин в опасную среду, обеспечение реального исполнения судебных решений по вопросам опеки, ограничение вмешательства религиозных структур, выполнение решений Европейского суда по правам человека по делам о домашнем насилии, а также защита правозащитников, работающих с пострадавшими женщинами.

Без комплексного подхода и политической воли масштабы этих нарушений будут продолжать расти, особенно с возвращением военных и мобилизованных из зоны боевых действий, тогда как возможности женщин защитить себя будут и дальше сокращаться.

Введение

Домашнее насилие остается одной из самых острых и системно игнорируемых форм нарушений прав человека в современном мире. Это не частная, изолированная проблема, а системное явление, укорененное в гендерной дискриминации и насилии, которое воспроизводится через социальные нормы, культурные установки и бездействие государственных институтов.

Согласно оценкам «ООН-Женщины», каждая третья женщина в мире хотя бы раз в жизни подвергалась физическому и/или сексуальному насилию, чаще всего — со стороны партнера¹. Таким образом, домашнее насилие — это не исключение, а повседневная реальность для миллионов женщин. Это явление наблюдается во всех обществах, независимо от уровня развития, политического устройства или культурных различий.

По данным международных исследований, совокупные экономические потери от домашнего насилия составляют до 5,5% от глобального ВВП, что эквивалентно около 4,7 триллиона долларов США ежегодно. Таким образом, по масштабам ущерба насилие в отношении женщин обходится государствам дороже, чем терроризм и вооруженные конфликты вместе взятые².

Домашнее насилие влечет за собой тяжелые и долговременные последствия для физического и психического здоровья пострадавших, снижает их экономическую независимость, подрывает чувство безопасности, достоинства и доверия к государственным институтам. Более того, оно передается через поколения: дети, выросшие в атмосфере насилия, подвергаются повышенному риску психологических травм, хронических заболеваний и воспроизведения циклов насилия во взрослой жизни³.

¹ UN Women, 2025. “Facts and Figures: Ending Violence Against Women.” URL: <https://www.un-women.org/en/articles/facts-and-figures/facts-and-figures-ending-violence-against-women#83915>. Accessed: 27.11.2025

² Every Woman, 2020. “Safer Sooner”. URL: <https://everywoman.org/safer-sooner-report/>. Accessed: 27.11.2025

³ Антонова Ю.А., Айрапетян И. К., 2023. «Проблема похищения ребенка/детей у матери на примере Республики Дагестан, Республики Ингушетия и Чеченской Республики» // *Ад Рем*, 2023. Режим доступа: <https://adrem.help/pdf/kidnapping/>. Дата обращения: 27.11.2025

Антонова Ю. А., Айрапетян И. К., 2024. «Вырванные из детства». Насильственное разлучение

В условиях, когда насилие становится нормой, а государственные структуры реагируют неадекватно, а то и вовсе отказываются вмешиваться или сами становятся соучастниками давления, мониторинг и привлечение общественного внимания к этой проблеме становятся особенно важными.

Этот доклад анализирует использование силового и административно-правового ресурсов с целью давления или контроля над женщинами и теми, кто им помогает. Мы стремились выявить и описать повторяющиеся схемы давления, показать, как политические установки и социокультурная среда способствуют воспроизводству этих практик. Исследование основано на кейсах, с которыми работали правозащитные организации, включая юристов Ad Rem, а также интервью с другими юристами, адвокатами и активистами, сопровождающими женщин, пострадавших от насилия. В совокупности эти материалы позволяют рассматривать домашнее насилие не как индивидуальный конфликт, а как отражение структурного насилия, встроенного в институциональные и социальные механизмы современного российского общества.

Методология

Этот доклад основан на качественном анализе 75 кейсов команды Ad Rem, а также переданных нам партнерскими правозащитными организациями и активистами, работающими с женщинами, пострадавшими от домашнего насилия и преследований. *Кейсами* в рамках данного исследования мы называем задокументированные истории, отражающие конкретные эпизоды силового и/или административно-правового давления на женщин, подкрепленные документами: судебными решениями, заявлениями в полицию, обращениями и ходатайствами, поданными в различные учреждения, решениями международных институтов.

Под силовым давлением в рамках исследования понимаются действия со стороны структур, обладающих полномочиями принуждения или контроля. Сюда мы относим такие структуры, как правоохранительные органы (МВД, Росгвардию, ФСБ, прокуратуру, Следственный комитет и частные охранные службы).

Административно-правовое давление осуществляется путем использования судебной, религиозной и административной власти для дискриминации и ограничения прав женщин, включая вмешательство и/или бездействие со стороны судов, органов опеки, службы судебных приставов и муфтията. Стоит отметить, что в анализируемых нами кейсах наблюдаются механизмы комбинированного воздействия, когда и силовые ведомства, и административно-правовые институты часто используются совместно для оказания давления на женщин и девушек, их возвращения в зависимые и опасные условия.

Переданные нам кейсы охватывают период с 2018-го по 2025 год. Изначально мы не планировали фокусироваться исключительно на Северном Кавказе, однако после сбора эмпирических данных оказалось, что большинство собранных кейсов относится именно к этому региону. Из общего массива в 75 кейсов, 46 относятся к Чеченской Республике, 13 — к Ингушетии, 12 — к Дагестану, 1 — к Северной Осетии и только 3 — к другим регионам России.

Такое распределение, на наш взгляд, объясняется следующими причинами: во-первых, системные проблемы особенно ярко проявляются в тех регионах, где государственные структуры тесно связаны с неформальными социальными институтами, менее подконтрольны и обладают большей свободой действий,

ребенка с матерью» // Ad Rem. Режим доступа: <https://adrem.help/pdf/kidnapping2/>. Дата обращения: 27.11.2025

вследствие чего их проще использовать в личных целях. Во-вторых, в Чечне, Ингушетии и Дагестане социальные нормы в семейных делах чаще отдают приоритет обычному праву (адатам), а не российскому законодательству. Адат дискриминирует женщин в отношении опеки над детьми, что вызывает жесткие семейные конфликты в тех случаях, когда женщины хотят сами воспитывать своих детей после развода. В-третьих, на Северном Кавказе работает несколько женских организаций, которые тщательно фиксируют нарушения, и они были готовы поделиться результатами своей работы с командой Ad Rem.

По характеру ситуации кейсы можно распределить следующим образом:

- 50 кейсов касаются женщин, переживших домашнее насилие со стороны мужей и/или их родственников и пытавшихся получить опеку над детьми после развода;
- 23 кейса связаны с девушками и молодыми женщинами, подвергшимися насилию со стороны родителей или иных родственников;
- 2 кейса касаются преследования девушек за феминистские или иные взгляды.

Наибольшее число случаев давления (вызовы в отдел, неформальные угрозы в адрес женщин и их родственников, бездействие) и преследования (насильственные задержания, сфабрикованные уголовные дела, объявление в розыск, слежка) связано с органами внутренних дел МВД РФ (47 кейсов из 75-ти), что подтверждает их ключевую роль в системе контроля и принуждения женщин. На втором месте — Следственный Комитет (24 случая), который часто используется для возбуждения дел против женщин или их родственников. Среди административных структур наиболее часто упоминаются суды, органы опеки и муфтият — каждый примерно в десятке случаев, что позволяет предположить системное вовлечение этих институтов в поддержание давления.

Кейсы были переданы правозащитниками, которые непосредственно работали с пострадавшими женщинами. В целях безопасности все упомянутые в докладе случаи будут представлены в анонимизированной форме, без указания имен, мест проживания и других идентифицирующих данных. Прямые интервью с женщинами и девушками, пострадавшими от насилия или давления, в рамках данного исследования не проводились по соображениям безопасности. Многие из них все еще находятся в уязвимом положении, вынуждены скрываться от агрессоров, и публичность может им навредить. Для подтверждения выяв-

ленных паттернов и верификации информации были проведены интервью с правозащитниками и юристами, которые непосредственно работают с этими женщинами и обладают подробной информацией об их ситуации. Кроме того, отдельные кейсы, аналогичные проанализированным в докладе, публиковались в СМИ, что также позволяет подтвердить наблюдаемые тенденции.

Хотя некоторые наши кейсы уже были ранее описаны в материалах правозащитников, в этом исследовании мы впервые систематизируем и анализируем их с целью выявления повторяющихся паттернов давления со стороны силовых и административных структур, чтобы показать, как эти механизмы взаимодействуют между собой в контексте насилия над женщинами и ограничения их прав.

Глава 1. Домашнее насилие в России: масштаб проблемы, правовые пробелы и приватизация силового ресурса

По итогам опроса о домашнем насилии аналитического центра ВЦИОМ за 2025 год, каждый десятый опрошенный россиянин сообщает о том, что в его семье ссоры перерастают в физическое насилие⁴. При этом женщины и молодежь говорят о проблеме чаще мужчин — они либо сами сталкивались с насилием, либо знают кого-то из близкого окружения, кто с этим сталкивался. На начало 2025 года, по данным Росстата, в России проживало около 146 миллионов человек⁵. Если экстраполировать эту статистику на все население РФ, около 14 миллионов человек в России напрямую сталкиваются с насилием в семье.

Согласно данным независимого онлайн-опроса, проведенного в 2021 году (самого последнего масштабного опроса на данный момент), доля женщин, переживших физическое насилие со стороны партнера, составила 38,2%⁶. Эта цифра выше среднего показателя в 30% по всему миру и Европе⁷.

По данным независимого проекта «Алгоритм света», только за 2022 и 2023 годы из 3 436 задокументированных случаев убийства женщин 2 284 погибли в результате домашнего насилия, и большая их часть, а именно 2 123 женщины (или 93%), были убиты партнерами⁸.

В России нет единой статистики по делам о домашнем насилии. Отсутствие правового определения самого явления лишает возможности адекватно фиксировать такие случаи в статистике. Чтобы оценить масштабы насилия, недостаточно полагаться на разрозненную статистику правоохранительных органов, медицинских учреждений или социальных служб. Многие случаи остаются

⁴ Смак Т., 2025. «Семейные тайны: мониторинг» // ВЦИОМ, 25 сентября. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeynye-tainy-monitoring>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁵ «Численность населения России к началу 2025 года снизилась до 146,028 млн. человек» // Интерфакс, 31 января 2025. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/1005747>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁶ Камалов Э., Сергеева И. 2023. Партнерское насилие в России: результаты серии опросов. Режим доступа: www.violencemonitor.org/report_2023. Дата обращения: 27.11.2025.

⁷ Совет по правам человека ООН (HRC): Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Марианы Кацаровой. А/НRC/57/59, 13.09.2024: с. 15. Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/57/59>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁸ Масштабы домашнего насилия в России за 2022–2023 годы // Алгоритм света. Режим доступа: <https://algorithmsveta.com/%d0%b0%d0%bb%d0%b3%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%82%d0%bc-%d1%81%d0%b2%d0%b5%d1%82%d0%b0-2022-2023/>. Дата обращения: 27.11.2025

вне поля зрения таких структур и не фиксируются в их отчетности⁹. Во-первых, большинство потерпевших не обращаются за помощью в полицию; в среднем это делает всего 10% пострадавших¹⁰. Во-вторых, даже те, кто обратился за помощью в полицию, могут не попасть в официальную ведомственную статистику. Нередки случаи, когда полиция просто отказывается реагировать на заявления женщин о насилии¹¹.

1. Правовая рамка и действия правоохранительных органов

В России государственная система реагирования на домашнее насилие остается неэффективной. В стране нет закона о домашнем насилии. Попытки гражданских инициатив, правозащитников и некоторых политиков продвинуть такой закон ощутимого результата не дали, и в настоящее время большинство проектов заморожены под давлением сторонников ультраконсервативных ценностей¹².

При этом существующая уголовно-правовая рамка плохо приспособлена к тому, чтобы защищать женщин от насилия в семье. Физическое насилие регулируется общими нормами о преступлениях против личности (статьи 105–115 УК РФ). Уголовное преследование в публичном порядке возможно только в случаях убийства, тяжкого вреда здоровью, приводящего к длительному ухудшению здоровья, инвалидности или нетрудоспособности на срок не менее 21 дня. Легкий вред здоровью и значительная часть побоев относятся к делам частного обвинения. Это значит, что пострадавшая вынуждена самостоятельно собирать доказательства, устанавливать личность агрессора и поддерживать обвинение в суде. В контексте домашнего насилия частный порядок преследования случаев причинения легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ) предоставляют неадекватную защиту жертвам, поскольку такое разбирательство требует времени и ресурсов жертвы и не может предотвратить повторение подобных инцидентов. Порядок частного обвинения возлагает чрезмерное бремя на пострадавшую, перекладывая на нее ответственность за сбор доказательств вины преступника в соответствии с уголовным стандартом доказывания и за отстаивание обвинений в суде. Длительные задержки в разбирательствах частного обвинения и гораздо меньшая вероятность осуждения виновного подрывают доступ жертв к правосудию.

Эта проблема стала еще более заметна после того, как в феврале 2017 года был принят закон о декриминализации побоев, в соответствии с которым «побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ» в отношении членов семьи или других близких лиц, перешли из разряда уголовных преступлений в разряд административных правонарушений¹³. В результате уголовное нака-

⁹ Камалов Э., Сергеева И., 2023. «Партнерское насилие в России: результаты серии опросов». Режим доступа: www.violencemonitor.org/report_2023. Дата обращения: 27.11.2025

¹⁰ Human Rights Watch, 2018. "I could kill you and no one would stop me." URL: <https://www.hrw.org/report/2018/10/25/i-could-kill-you-and-no-one-would-stop-me/weak-state-response-domestic-violence?ref=hir.harvard.edu/> Accessed: 27/11/2025

¹¹ Козкина А., 2017. «И зачем им мучиться, если это ни на что не влияет?» Почему участковые не реагируют на заявления о домашнем насилии // *Медиазона*, 2 августа 2017. Режим доступа: <https://zona.media/article/2017/08/02/ot-slova-uchastiye>. Дата обращения: 27.11.2025.

¹² «Введено окончательное вето». Кремль пообещал РПЦ не принимать закон о домашнем насилии», 2024 // *Верстка*. Режим доступа: <https://verstka.media/rpc-i-zakon-o-domashnem-nasilii>. Дата обращения: 27.11.2025.

¹³ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201702070049?index=1>. Дата обращения: 27.11.2025.

зание теперь предусмотрено только в случае повторного правонарушения. Это фактически вывело значительное количество случаев домашнего насилия из-под действия уголовного законодательства, создав правовой вакуум и усилив ощущение безнаказанности среди агрессоров. На практике это означает, что даже систематическое насилие в семье государство склонно рассматривать как мелкое нарушение, за которое женщина должна сама добиваться наказания.

Уже к концу 2017 года количество обращений по делам о домашнем насилии в полицию и государственные структуры снизилось вдвое, тогда как количество обращений в организации, занимающихся поддержкой женщин, возросло на 35%¹⁴. Во многом это объяснялось недоверием к государственным структурам в делах о насилии, а также игнорированием полицейскими обращений женщин.

В декабре 2017 года, через десять месяцев после принятия поправок в закон, произошла резонансная история Маргариты Грачевой. Несмотря на то, что она обращалась в полицию с заявлением о том, что со стороны ее мужа поступают угрозы, участковый не стал проводить проверку и отказал в возбуждении уголовного дела. Спустя несколько дней муж отрубил ей кисти рук¹⁵. Годом ранее с бездействием полиции столкнулась Яна Савчук, жительница Орла, история которой завершилась более трагически — бывший партнер избил ее прямо на улице перед ее домом, в результате полученных травм она скончалась. Днем ранее она вызывала полицию. Наряд приехал по вызову, но никаких мер в отношении агрессора не предпринял¹⁶.

Отдельные составы, такие как истязание (статья 117 УК РФ) или угроза убийством и причинением тяжкого вреда здоровью (статья 119 УК РФ), теоретически могли бы использоваться в делах о домашнем насилии. Однако они применяются редко и преимущественно в самых крайних ситуациях, когда речь идет о длительных пытках или очевидной угрозе жизни. При этом целый спектр характерных для домашнего насилия действий — преследование, тотальный контроль, унижения, экономическое насилие, угрозы отобрать детей или оставить без жилья — в российском праве не образуют самостоятельного состава преступления. В деле Маргариты Грачевой, например, многочисленные эпизоды контролирующего и принуждающего поведения со стороны мужа сами по себе не могли стать основанием для вмешательства полиции до тех пор, пока он не перешел к крайней форме физического насилия.

Схожая ситуация складывается и в делах о сексуализированном насилии. Формально российское законодательство не делает исключений для насилия со стороны супруга или партнера. Изнасилование и иные насильственные действия сексуального характера в браке так же незаконны, как и вне его. Но на практике женщины, сообщающие о сексуализированном насилии в отношениях, почти неизбежно сталкиваются с недоверием следствия и требованием доказать применение грубой физической силы, прямых угроз или состояние полной беспомощности. Случаи, когда половой контакт навязывается через психологическое давление, шантаж, зависимость или страх перед очередным эпизодом побоев, часто выпадают из уголовно-правового поля. Даже специ-

¹⁴ Spring M., 2018. "Decriminalisation of domestic violence in Russia leads to fall in reported cases"// The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/16/decriminalisation-of-domestic-violence-in-russia-leads-to-fall-in-reported-cases?ref=hir.harvard.edu>. Accessed: 27/11/2025

¹⁵ Рогоза А., Арасланов А., 2018. «Рита Грачева, которой муж отрубил руки: «Сейчас он, наверное, жалеет, что не убил меня»» // Комсомольская Правда. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26908/3953884/>. Дата обращения: 27.11.2025.

¹⁶ Козкина А., 2017. «"И зачем им мучиться, если это ни на что не влияет?" Почему участковые не реагируют на заявления о домашнем насилии» // Медиазона. Режим доступа: <https://zona.media/article/2017/08/02/ot-slova-uchastiye>. Дата обращения: 27.11.2025.

альная норма о понуждении к действиям сексуального характера, связанная с использованием материальной или иной зависимости (статья 133 УК РФ), в реальности применяется крайне редко и не покрывает широкий спектр ситуаций, с которыми сталкиваются женщины в контексте домашнего насилия.

В результате полиция с трудом возбуждает уголовные дела по поступающим от женщин жалобам. В большинстве случаев даже возбужденные уголовные дела прекращаются на стадии предварительного расследования и не доходят до суда¹⁷.

У следователей, у правоохранителей во многом есть... гендерные стереотипы. Они не проходят надлежащие тренинги о специфике дел о домашнем насилии... Более того, действующее законодательство не учитывает специфику домашнего насилия — его цикличность, зависимость между партнерами и разнообразные механизмы давления, которыми может пользоваться агрессор. В такой ситуации часть сотрудников полиции продолжает рассматривать эпизоды домашнего насилия как бытовые конфликты, которые «урегулируются сами». Другие, напротив, осознают серьёзность происходящего, но сталкиваются с отсутствием достаточных правовых инструментов, позволяющих эффективно вмешаться и защитить пострадавшего. На этом фоне сохраняется устойчивая установка, что заявление может быть отозвано, а дело останется без движения, что воспринимается как необоснованная нагрузка и снижает мотивацию к активным действиям. (Интервью с юристом по женским делам, Москва, май 2025 г.)

Домашнее насилие часто воспринимается правоохранителями как частное дело семьи, вмешательство в которое нежелательно. Работа по таким делам требует много времени и сосредоточенности, но дела редко доходят до суда, и наказание агрессорам назначается минимальное. Такое положение дел заметно снижает мотивацию правоохранителей:

Бытовые дела не стоят у них в приоритете. Соответственно, зачем тратить время и напрягаться... Более опытные участковые говорят... что какой смысл им сейчас полгода собирать все эти бумажки, если там по итогу штраф меньше, чем за парковку. И, по сути, они этими словами и отговаривают женщин от подачи заявлений — все равно ему ничего не будет, максимум будет штраф, вас будут таскать в суд, у вас будет муж судимый, ваши дети никуда не поступят... В 90% случаев, даже при хорошей работе полиции, это абсолютно неадекватное наказание и никаких мер защиты потерпевших. Они все прекрасно понимают, что потом, в 90% случаев, история повторится. Никто из них не обучен действовать в этих условиях и не имеет никакого механизма, который бы они могли задействовать. (Интервью с адвокатом по женским делам Мари Давтян, сентябрь 2025 г.)

2. Международные стандарты

Тенденция правоохранительных органов отказываться в инициировании необходимых мер для предотвращения домашнего насилия получила международную огласку, когда в июле 2019 года Европейский суд по правам человека вынес

¹⁷ Human Rights Watch, 2018. "I could kill you and no one would stop me". URL: <https://www.hrw.org/report/2018/10/25/i-could-kill-you-and-no-one-would-stop-me/weak-state-response-domestic-violence?ref=hir.harvard.edu>. Accessed: 27/11/2025

решение по делу «Володина против России»¹⁸, указав не только на нарушения прав заявительницы, но и на «отказ российскими властями признавать серьезность и масштаб проблемы домашнего насилия и ее дискриминационный эффект в отношении женщин»¹⁹. Суд установил, что государство не приняло своевременных и адекватных мер для защиты женщины от угроз и насилия со стороны бывшего партнёра. В последующем решении *Volodina v. Russia* (no. 2) (№ 40419/19, 2021) Суд дополнительно рассмотрел элемент цифрового насилия — использование GPS-отслеживания, взлом и контроль за электронной перепиской, а также несанкционированное распространение интимных фотографий — и квалифицировал это как нарушение статьи 8 «Право на уважение частной и семейной жизни».

В еще одном знаковом решении по делу «Туникова и другие против России» (№ 55974/16 и др., 2021) Суд установил, что российские власти не обеспечили заявительницам эффективной защиты от насилия со стороны партнеров, не оценили риск повторного насилия и не провели адекватного расследования. ЕСПЧ указал на отсутствие в России необходимой правовой базы, позволяющей предотвращать, пресекать и расследовать домашнее насилие. В частности, Суд отметил: «Существующая в России правовая база не обеспечивает адекватной защиты от домашнего насилия» (п. 138), «Власти не создали и не применяют такую правовую базу, которая позволила бы им предпринимать превентивные меры, оперативно и эффективно расследовать заявления о домашнем насилии и привлекать виновных к ответственности» (п. 139), «Эти недостатки свидетельствуют о системной проблеме, требующей срочной законодательной реформы» (п. 142). Суд признал нарушение статьи 3 (запрет бесчеловечного и унижающего достоинство обращения) и статьи 14 (запрет дискриминации), подчеркнув, что домашнее насилие преимущественно затрагивает женщин, а отсутствие защиты носит дискриминационный характер.

Несмотря на решения ЕСПЧ, российские власти так и не предприняли системных шагов для устранения выявленных структурных проблем — уголовная и административная политика в сфере защиты от насилия по-прежнему остается неэффективной. Исключение России из Совета Европы в 2022 году²⁰ существенно ограничило механизмы международного контроля и привело к прекращению ее обязательств по Европейской конвенции по правам человека с 16 сентября 2022 года, за исключением ответственности за возможные нарушения, совершенные до этой даты. Суд по-прежнему рассматривает жалобы, относящиеся к периоду до 16 сентября 2022 года, мы их проанализируем во второй главе.

Решения ЕСПЧ стали важным признанием системного характера проблемы, однако они составляют лишь часть международных обязательств России в сфере защиты женщин от насилия. Россия остается связана целым рядом международных документов, в которых домашнее насилие рассматривается как нарушение прав человека и форма дискриминации.

Международные документы, к которым присоединилась Россия, создают довольно сильную правовую рамку защиты женщин от насилия. Тем заметнее

¹⁸ *Volodina vs. Russia*, no. 41261/17, decision of 9 July 2019, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%5C2001-194321%5D%7D>. Accessed: 27/11/2025

¹⁹ Gorbunova Y., 2019. "The Chilling Inaction on Domestic Violence in Russia is Endangering Women's Lives". Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/news/2019/07/29/chilling-inaction-domestic-violence-russia-endangering-womens-lives>. Accessed: 27/11/2025/

²⁰ «Генеральный секретарь: миллионы россиян больше не находятся под защитой Европейской конвенции о правах человека», 2022 // Совет Европы. Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/secretary-general-millions-of-russians-no-longer-protected-by-the-european-convention-on-human-rights>. Дата обращения: 27.11.2025.

разрыв между взятыми на себя обязательствами и реальной практикой.

В 1995 году Пекинская декларация и Платформа действий задали глобальную повестку по предотвращению насилия в отношении женщин и устранению дискриминации. Государства признали, что гендерное насилие затрагивает все сферы жизни и требует системных мер: от изменения законодательства до трансформации социальных норм. Россия поддержала эти подходы и позже ратифицировала ряд ключевых конвенций ООН в области прав женщин.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), ратифицированная Россией, прямо рассматривает гендерное насилие, включая домашнее, как одну из форм дискриминации. В общей рекомендации № 19 (1992 года), а затем в обновлённой № 35 (2017 года) Комитет CEDAW квалифицировал гендерное насилие, включая домашнее, как форму дискриминации. Государства обязаны применять должную осмотрительность (*due diligence*) для предотвращения, расследования и пресечения насилия в отношении женщин. В решении по делу «Т. против России» (CEDAW/C/75/D/119/2017) Комитет впервые признал Россию виновной в нарушении прав женщины, пострадавшей от домашнего насилия, отметив отсутствие эффективной правовой защиты и механизмов реагирования.

Похожую логику развивает Комитет по правам человека ООН в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах. В общем комментарии № 28 к статье 3 Пакта Комитет подчеркивает, что насилие в отношении женщин, в том числе домашнее и сексуализированное, нарушает сразу несколько прав: на равенство, на свободу от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, на неприкосновенность частной жизни и свободу вступать в брак по собственному желанию.

Обязанность государства здесь не ограничивается запретом пыток со стороны чиновников. Государство должно вмешиваться и тогда, когда насилие совершают мужья, родственники или религиозные лидеры, в том числе устраняя правовые и культурные барьеры, которые мешают женщинам пользоваться своими правами на равных.

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, также ратифицированная Россией, возлагает на государство ответственность за предотвращение жестокого обращения не только со стороны своих представителей, но и частных лиц, т.е. если власти знали или должны были знать о риске и не предприняли адекватных мер. Комитет против пыток в общем комментарии № 2 (CAT/C/GC/2) прямо распространил эту обязанность на сферу домашнего насилия. Систематическое бездействие в таких делах рассматривается как невыполнение обязательств по Конвенции.

Несмотря на то, что Россия остается участником важных международных договоров, прямо обязывающих государство защищать женщин от насилия и устранять его структурные причины, их механизмы так и не были интегрированы в национальную правовую систему. На этом фоне особенно заметен отказ ратифицировать Стамбульскую конвенцию — ключевой международный документ, рассматривающий насилие в отношении женщин как нарушение прав человека и устанавливающий юридически обязательные механизмы его предотвращения и наказания. Документ открыт для подписания с 2011 года. Подписание демонстрирует намерение государства участвовать в процессе, однако юридические обязательства возникают только после ратификации и вступления конвенции в силу. В этом случае страны должны привести национальные законодательства в соответствие с требованиями конвенции и предоставлять необходимую

информацию для мониторинга выполнения этих обязательств.

Конвенция предусматривает комплекс мер по оказанию эффективной помощи пострадавшим, а именно: подготовку специалистов для обеспечения доступа к медицинским и социальным услугам, создание шелтеров и горячих линий поддержки²¹. Государства обязаны криминализировать stalking (преследование), наказывать за сексуализированное насилие, принудительные браки, женское обрезание и сексуальные домогательства. Статья 42 конвенции прямо запрещает использовать культуру, религию, традиции или аргумент «чести» в качестве оправдания насилия; ссылки на якобы нарушение жертвой норм поведения не могут смягчать ответственность преступника²².

Отсутствие ратификации освобождает страну от обязательств по внедрению комплексной системы профилактики насилия и поддержки пострадавших, что напрямую влияет на эффективность защиты женщин и гендерного равенства в обществе.

Международные механизмы задают государству четкие требования: предотвращать насилие, обеспечивать защиту и проводить эффективные расследования. Однако реальные практики работы правоохранительных органов в России демонстрируют иную динамику. Вместо того, чтобы быть гарантом безопасности, силовые структуры могут использоваться в частных интересах для контроля и насилия над женщиной. Это приводит к своеобразной «приватизации» силового ресурса, когда полиция и следствие могут быть инструментализованы для решения личных проблем, благодаря связям, влиянию, а порой просто мужской солидарности.

3. «Приватизация» силового ресурса

Историческая эволюция силовых ведомств в России помогает понять, почему сегодня они могут быть инструментом не защиты, а подавления и контроля не только политических оппонентов, но и простых граждан, в том числе одной из наиболее уязвимых групп — женщин. Еще в советский период управление силовыми ведомствами (армией, органами госбезопасности и внутренних дел) строилось на принципе строгой централизации, где власть была сосредоточена в руках коммунистической партии²³. Силовые ведомства были прежде всего элементом политического управления, а не гарантом безопасности граждан. После распада СССР ожидалось, что реформирование этих структур приведет к децентрализации и гражданскому контролю, однако создание множества ведомств с пересекающимися полномочиями способствовало возникновению системы, внутри которой структуры конкурировали между собой. Постепенно они все больше стали обслуживать интересы отдельных групп влияния²⁴. Возникли различные формы силового партнерства, которые объединяли представителей силовых структур, частных охранных предприятий, чиновников и криминальных группировок. Так называемая «крыша» стала инструментом избирательного применения насилия и правоприменения в интересах отдель-

²¹ Lomazzi, Vera. 2023. The Cultural Roots of Violence against Women: Individual and Institutional Gender Norms in 12 Countries. *Social Sciences* 12: 117. URL: <https://doi.org/10.3390/socsci12030117>. Accessed: 27/11/2025.

²² Там же

²³ Волков В., 2012. «Приватизация силовых ведомств» // *История новой России*. Режим доступа: <http://ru-90.ru/content/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%B2-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D1%81%D1%82%D0%B2>. Дата обращения: 27.11.2025

²⁴ Там же

ных лиц и/или групп²⁵.

В исследовании Л.Гудкова и Б.Дубина «Приватизация полиции» половина опрошенных сотрудников полиции заявили о том, что правоохранные органы превратились в частную, корпоративную или клановую полицию. На вопрос: «Кого защищает полиция?» только 59% сотрудников ответили, что они защищают всех граждан одинаково. При этом 26% опрошенных сказали, что полиция защищает тех, кто у власти, а еще 25% — тех, у кого есть деньги.

По словам респондентов, опытные и квалифицированные сотрудники районных отделений полиции и следственных отделов более склонны злоупотреблять своими полномочиями, используют свое служебное положение, чаще прибегают к коррупции²⁶. Такое положение дел имеет прямые последствия, а именно — избирательность правоприменения и подрыв принципа равенства всех граждан перед законом.

В первую очередь это отражается на уязвимых группах, включая женщин, сталкивающихся с насилием. Несмотря на то, что российское законодательство предусматривает возможность обращения в полицию, получения защиты и расследования преступления, на практике это право редко реализуется в должном объеме. Часто женщины сталкиваются с тем, что их обращения в полицию игнорируют, заявления о насилии не регистрируют, процессуальные действия затягивают. Силовой ресурс используют для давления на правозащитников и адвокатов, помогающих женщинам; агрессоры преследуют женщин при попустительстве местных служб; а на Северном Кавказе силовики фабрикуют

²⁵ Волков В.В., 2020. «Силовое предпринимательство, XXI век. Экономико-социологический анализ». Европейский университет в С.-Петербурге.

²⁶ Гудков Л., Дубин Б., 2006. «Приватизация полиции» // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/privatizatsiya-politsii>. Дата обращения: 27.11.2025.

уголовные дела против пострадавших для их розыска и возвращения женщин и детей в условия насилия.

Нередко сочетание личных связей агрессора в административной системе с доступом к силовым ресурсам делает любые формальные законодательные меры практически бессмысленными, и женщины оказываются беззащитными. Для иллюстрации реальных последствий этих процессов приведем кейс, предоставленный одной из правозащитных организаций для целей данного исследования.

Кейс И.

(Московская область, 2024 г.)

И. ушла от мужа с тремя детьми. Муж, бывший сотрудник ФСБ, систематически применял к ней физическое насилие, всячески контролировал ее, вплоть до того, что не выпускал ее из дома. После побега она обратилась в шелтер некоммерческой организации, где получила временное жилье и поддержку для себя и детей. Муж использовал свои связи в правоохранительных органах, чтобы выследить ее. Он получил доступ к содержимому ее мобильного телефона, включая такие данные, как содержание разговоров, контакты и геолокацию, что позволило ему установить ее местонахождение. Вместе с сотрудниками полиции он сумел проникнуть в шелтер и забрать одного из детей. После этого женщина обратилась в другую организацию, где с соблюдением мер безопасности ей удалось временно скрыться уже с двумя детьми. Тем не менее, муж продолжал слежку за шелтером и сотрудниками организации. Он использовал различные способы давления: приезжал в шелтеры вместе с полицией, угрожал персоналу; подавал жалобы в прокуратуру и другие контролирующие органы на деятельность правозащитных центров и шелтеров, заявляя о якобы «нарушениях» и «экстремистской деятельности»; использовал свои связи в правоохранительных органах, чтобы отслеживать перемещения психологов и сотрудников центров, пытаясь установить новое безопасное место, где скрывается И.; угрожал сотрудникам шелтеров поджогом. И. с детьми пришлось несколько раз релоцировать в разные города, что позволило временно избежать преследования. Муж И. использовал социальные сети родственников И., следил за сотрудниками центра, чтобы попытаться найти ее. В очередной раз, установив ее местонахождение, он напал на нее, пытался затолкать ее в свою машину, нанес ей физические травмы. Приехавшие на вызов местные сотрудники полиции вмешались только после инцидента, когда женщине потребовалось медицинское освидетельствование. Сейчас И. удалось скрыться в другом регионе.

Этот пример наглядно демонстрирует, как сочетание личных связей и служебного положения ставит под угрозу безопасность как жертв насилия, так и помогающих им организаций. Далее наш доклад подробнее раскроет механизмы такого давления.

Глава 2: Использование силового и административно-правового ресурса против женщин на Северном Кавказе

Несмотря на общероссийский кризис правоприменения в сфере защиты женщин, именно на Северном Кавказе (прежде всего в Чечне, Ингушетии и Даге-

стане) силовой и административно-правовой ресурс используется наиболее часто. Анализ кейсов, собранных для этого исследования, подтверждает, что давление на женщин здесь принимает специфические формы. Это связано как с гендерным неравенством и институциональной слабостью государства, так и с особенностями региональных практик, где контроль со стороны семьи дополняется и усиливается государственными структурами, фактически превращая их в инструмент продолжения насилия.

Из 75 проанализированных нами кейсов 21 касался незамужних девушек, которые бежали из семьи, спасаясь от домашнего насилия, принудительных браков или иных форм принуждения и контроля. Остальные 54 кейса — это истории замужних женщин, пытающихся защитить себя и детей после развода, добиться опеки или уйти от агрессора. В совокупности органы, обладающие принудительными полномочиями, тем или иным образом фигурируют во всех кейсах. Это свидетельствует о системной вовлеченности силового ресурса в решение конфликтов, включая случаи домашнего насилия, споры об опеке и преследование женщин, пытавшихся скрыться от агрессоров. В большинстве дел полиция и сотрудники следственного комитета не только бездействовали, но и оказывали содействие родственникам в поиске женщин, передавая им информацию об их местонахождении, оказывая психологическое давление или угрожая возбуждением уголовных дел.

Административные структуры, такие как суды (12 случаев), органы опеки (10 случаев), служба судебных приставов (10 случаев) и муфтият (11 случаев), участвовали в меньшем числе кейсов, однако их роль была не менее значимой. В этих случаях давление носило легитимирующий характер, то есть административные органы формально закрепляли неравное положение женщин, лишая их детей, отказывая в рассмотрении жалоб или игнорируя решения в их пользу.

Вовлечение муфтията особенно характерно для Северного Кавказа, где религиозные институты активно используются для морального давления, оправдания насилия и навязывания женщинам норм подчинения семье и мужу.

Стоит отметить, что характерным для большинства кейсов является сочетание силовых и административно-правовых механизмов давления. Иначе говоря, силовой и административно-правовые ресурсы действуют в тандеме, переводя индивидуальные конфликты в режим системного подавления. На практике это выражается в том, что действия полиции, Следственного комитета или прокуратуры сопровождаются параллельными решениями судов, бездействием службы судебных приставов, давлением со стороны органов опеки и муфтията.

Такая институциональная взаимосвязь создает замкнутую систему контроля, в которой женщина оказывается лишенной доступа к справедливому правосудию и вынуждена подчиниться воле семьи или властей. Каждая из следующих ниже историй, несмотря на различие обстоятельств, отражает повторяющиеся закономерности, а именно использование силового и административно-правового ресурса для давления на женщин, переживших насилие или добивающихся опеки над детьми.

1. Инициирование преследования семьей и силовиками

В ситуации полной незащищенности побег представляется одним из немногих доступных способов защиты для женщин и девушек, чья жизнь и здоровье находятся под угрозой. Независимо от семейного статуса, в момент попытки вырваться из-под контроля женщины сталкиваются со схожими механизмами давления и вмешательством со стороны государства, которое часто действует в интересах тех, от кого женщины пытаются скрыться. Чаще всего в этих

кейсах можно проследить следующие механизмы преследования: девушку или женщину либо объявляют в розыск как пропавшую без вести, либо в отношении нее возбуждают уголовное дело (как правило, это ложные доносы о краже денег или драгоценностей); затем полиция задерживает женщину в других регионах (а в некоторых случаях и в других странах), куда приезжают ее ближайшие родственники, которым силовики передают беглянку. В этих кейсах правоохранительные органы действуют в координации с семьями, которые часто имеют личные связи в местных силовых структурах. Такие кейсы достаточно часто освещаются в СМИ, ведь публичность нередко становится единственным способом повлиять на ситуацию так, чтобы она благоприятно разрешилась для девушки.

Но даже широкая огласка кейса в СМИ не всегда защищает девушку. Одним из печально известных является кейс Седы Сулеймановой, которая бежала из Чечни, опасаясь насильственного замужества²⁷. В сентябре 2023 года ее задержали в Санкт-Петербурге после того, как родственники заявили о краже драгоценностей. Седу насильственно вернули в Чечню, хотя она прямо сообщала, что там ей угрожает опасность. После возвращения домой она перестала выходить на связь и до сих пор считается пропавшей без вести²⁸. Правозащитники считают, что Седа могла стать жертвой «убийства чести»²⁹. Эта практика все еще

²⁷ Воробьева А., 2025. «Дело Седы Сулеймановой: что известно о пропаже чеченки, которая бежала от семьи» // *Forbes*. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/538236-delo-sedy-sulejmanovoj-cto-izvestno-o-propaze-ecenki-kotora-a-bezala-ot-sem-i>. Дата обращения: 27.11.2025.

²⁸ Новашов А., 2024. «Что происходит с делом об убийстве Седы Сулеймановой, похищенной кадыровцами и вывезенной в Чечню больше года назад» // *Настоящее время*. Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/cto-proishodit-s-delom-ob-ubiystve-sedy-suleymanovoy/33150839.html>. Дата обращения: 27.11.2025.

²⁹ «Похищенную Седу Сулейманову могли убить по приказу приближенного Кадырова депутата Госдумы Адама Делимханова», 2025 // *Вот так*. Режим доступа: <https://vot-tak.tv/88478477/se-da-syleimanova-adam-delimhanov>. Дата обращения: 27.11.2025.

сохраняется в некоторых республиках Северного Кавказа. Как правило, такие преступления практически не документируются и не расследуются³⁰.

Через понятие чести общество определяет, «что значит быть женщиной и что значит быть мужчиной»³¹. Существуют различные механизмы, обеспечивающие соблюдение этих норм, и их нарушение ведет к различным формам наказания, вплоть до убийства. При этом именно женщины чаще всего подвергаются самым жестким формам наказания, что делает саму идею чести гендерно окрашенной. Женская честь воспринимается как «символ национальной чистоты и идентичности»³². Потеря чести воспринимается как «коллективная травма» всего рода³³. В августе 2024 года в связи с исчезновением Седы было возбуждено уголовное дело по статье «убийство», но никаких результатов в установлении судьбы Седы это не дало³⁴.

Аналогичный сценарий задержания произошел и с Селимой Исмаиловой³⁵. Девушку задержали во Внуково, так как на нее было заведено дело о краже. Московские правоохранители передали девушку чеченским силовикам в аэропорту. После передачи семье судьба Селимы остается неизвестной³⁶.

Еще один случай, где девушку объявили в федеральный розыск за кражу, задержали и вернули родственникам, произошел с ингушкой Лейлой Гиреевой, которая скрывалась от семьи в Санкт-Петербурге³⁷. Общая черта этих кейсов — это вмешательство полиции в интересах семьи и против жертвы насилия. При этом все они разворачивались в Москве или Санкт-Петербурге, в регионах, где доступ к защите, казалось бы, должен быть выше.

Беглянок разыскивают не только их родственники, но и полиция. При чем полиция разыскивает не с тем, чтобы удостовериться, что девушка никем не похищена, а чтобы принудить вернуться обратно. Эти речи, что «у вас так положено, и у вас так принято, и ты должна подчиняться старшим», звучат не только в чеченских, ингушских и дагестанских ОВД. Они звучат и в Москве, и в Питере. Там на них давят, их пытаются усовестить, не принимают заявление об их похищении, когда такое случается. (Интервью со Светланой Анохиной, правозащитницей, журналисткой, июль 2025 г.)

³⁰ Антонова Ю.А., Сиражудинова С.В., 2018. «Убитые сплетнями. Убийства женщин по мотивам “честь” на Северном Кавказе» // Проект «Правовая Инициатива». Режим доступа: https://srji.org/upload/iblock/681/Pravovaya_initsiativa_Otchet_UBITYE_SPLETNYAMI_2018.pdf. Дата обращения: 27.11.2025.

³¹ Sen, P., 2005. 'Crimes of Honour: Value and Meaning', in Welchman, L. and Hossain, S. (eds) Honour: Crimes, Paradigms and Violence Against Women. London: Zed Books: p.48

³² Faqir F., 2001. "Intrafamily femicide in defence of honour" // *Third World Quarterly*, Vol 22, No 1, pp 65–82.

³³ Abu-Odeh L., 1997. "Comparatively Speaking: The Honor of the East and the Passion of the West" // Georgetown University Law Center. URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=2414&context=facpub>. Accessed: 27.11.2025.

³⁴ Мимиконян О., 2024. «СК признал насильственным возвращение Седы Сулеймановой полицией в Чечню» // *Forbes*. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/519928-sk-priznal-nasil-stvennym-vozvrasheniye-sedy-sulejmanovoj-policiej-v-cecnu>. Дата обращения: 27.11.2025.

³⁵ «19-летнюю чеченку, пытавшуюся бежать в Германию из-за насилия в семье и задержанную в аэропорту Внуково, отправили в Грозный», 2023 // *Медуза*. Режим доступа: <https://meduza.io/news/2023/06/13/devushku-iz-chechni-pytavshuyusya-sbezhat-v-germaniyu-iz-za-nasiliya-v-semie-i-zaderzhannuyu-v-aeroportu-vnukovo-sobirayutsya-uvezti-v-groznyy> Дата обращения: 27.11.2025.

³⁶ Ефимова К., 2024. «Год молчания. Селима Исмаилова пропала после возвращения в Чечню, как и Седа» // *Аргументы и факты*. Режим доступа: <https://stav.aif.ru/society/person/god-molchaniya-selima-ismailova-propala-posle-vozvrasheniya-v-chechnyu-kak-i-seda>. Дата обращения: 27.11.2025.

³⁷ Мельникова А., 2022. «Задержана девушка из Ингушетии, сбежавшая от насилия в семье» // *Deutsche Welle*. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/v-peterburge-zaderzali-devusku-iz-ingusetii-sbezavsuu-ot-domasnego-nasilia/a-63865084>. Дата обращения: 27.11.2025.

Формально во всех этих кейсах инициаторами поисков выступают родственники, которые подают заявление о краже или об исчезновении девушки.

На практике — сразу подключаются силовые структуры, и семейный конфликт переводится в плоскость уголовного преследования, где девушки из жертв насилия превращаются в правонарушительниц.

2. Насильственное возвращение в семью

В Чечне, Ингушетии и Дагестане девушки крайне редко обращаются за помощью в местные правоохранительные органы, потому что понимают, что это только ухудшит их положение. Даже когда женщина или девушка самостоятельно обращается в полицию за защитой, правоохранительные органы используют свои полномочия для возвращения ее в семью. Получается, что доступ

к защите зависит от того, кто именно обращается за помощью к системе — сама женщина или ее семья, обладающая влиянием и связями. К примеру, Патимат Идрисова из Дагестана, которая подвергалась жесткому контролю и насилию со стороны семьи после неудачного замужества, пыталась получить защиту в одном из отделений полиции, но вместо помощи ее трое суток продержали в отделении, после чего просто передали родственникам³⁸.

Часто они [полицейские] не относятся к заявлениям обычных людей серьезно... Женщины, которые стали жертвами насилия, подают заявление об избиении. Проходит месяц, другой... им даже не звонят. Но если у человека есть связи, если это работник полиции, например, если он начинает эту систему запускать, то она начинает работать моментально, быстро, без каких-либо доказательств, оснований. Достаточно просто голословного утверждения со стороны влиятельного человека, чтобы возбудить уголовное дело, объявить девушку в розыск... ни видеообращение самой девушки о том, что она ушла добровольно, ни факт, что она совершеннолетняя, ни ее заявление, ни личный приход в полицию не имеют значения... на это все закрывают глаза и безосновательно объявляют ее в розыск. (Интервью с юристом по женским делам, Москва, июль 2025 г.)

Иногда даже отсутствие обвинений или розыска не гарантирует безопасность девушкам. Яркой иллюстрацией этого стал кейс четырех сестер из Дагестана, которые сбежали от домашнего насилия и угроз принудительного замужества. Девушек задержали на границе с Грузией на Верхнем Ларсе, несмотря на то что они не находились в розыске, против них не было возбуждено уголовных дел, а документы были в порядке. Единственным основанием для задержания стало вмешательство влиятельных родственников³⁹.

Все эти случаи показывают, что в отдельных республиках Северного Кавказа родственные связи оказываются сильнее закона, государственные структуры используют в личных целях для возвращения женщин в потенциально смертельно опасные условия.

³⁸ «Уроженка Дагестана сбежала из республики после домашнего насилия и принудительного лечения», 2022 // *Кавказ. Реалии*. Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/urozhenka-dagestana-sbezhala-iz-respubliki-posle-domashnego-nasiliya-i-prinuditeljnogo-lecheniya/31992700.html>. Дата обращения: 27.11.2025.

³⁹ «Четырем сестрам из Дагестана удалось уехать в Грузию, спасаясь от родственников», 2022 // *Русская служба Би-Би-Си*. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-63435696>. Дата обращения: 27.11.2025.

3. Преследование в шелтерах

Еще более тревожные тенденции проявляются в случаях, когда преследование осуществляется не только через розыск, но и через прямое вторжение в шелтеры, где скрываются потерпевшие. В июне 2021 года дагестанские полицейские в сопровождении неизвестных мужчин из Чечни ворвались в шелтер в Дагестане, где скрывалась Халимат Тарамова, молодая женщина, бежавшая из Чечни. Несмотря на то, что она публично заявила о своем намерении остаться в убежище, сотрудники чеченских силовых ведомств при поддержке местной полиции насильно вывезли ее обратно в Чечню. Этот случай стал одним из самых ярких примеров того, как межрегиональное взаимодействие силовых структур используется для принудительного возврата женщин в опасные для них условия⁴⁰.

Аналогичный инцидент произошел и за пределами Северного Кавказа. В том же 2021 году полицейские ворвались в шелтер в Казани, где укрывались две девушки, сбежавшие из Дагестана⁴¹. При этом в возбуждении уголовного дела по факту неправомерного вторжения в шелтеры и применения силы было отказано⁴².

⁴⁰ «Неизвестные из Чечни напали на женский шелтер в Дагестане», 2021 // *Кавказ.Реалии*. Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/31301298.html> <https://www.bbc.com/russian/news-57438918>. Дата обращения: 27.11.2025.

Тагаева Л., 2021. «Разгром шелтера в Дагестане касается каждой женщины в России» // *Deutsche Welle*. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/kommentarij-razgrom-sheltera-v-dagestane-kasaetsja-kazhdoj-zhenshhiny-v-rossii/a-5788055>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁴¹ «Силовики ворвались в шелтер в Казани и вернули сбежавших из Дагестана девушек их мужьям», 2021 // *Черта*. Режим доступа: <https://cherta.media/siloviki-vorvalis-v-shelter-v-kazani-i-vernuli-sbeznavshix-iz-dagestana-devushek-ix-muzhyam/>. Дата обращения: 27.11.2025.

«В Казани полицейские ворвались в кризисный шелтер и забрали двух девушек из Дагестана», 2021 // *Медуза*. Режим доступа: <https://meduza.io/news/2021/10/18/v-kazani-politseyskie-vorvalis-v-krizisnyy-shelter-i-zabrali-dvuh-devushek-iz-dagestana>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁴² «Ужасный, яростный, животный страх». Нападение на шелтер в Дагестане и ответ

Получается, что для женщин практически отсутствуют безопасные пространства, куда они могли бы обратиться за реальной защитой. В России и без того крайне мало шелтеров, а на Северном Кавказе их единицы. При том что домашнее насилие остается одной из наиболее острых проблем в стране, система помощи пострадавшим практически отсутствует.

Эксперты говорят о том, что фактически в России существует не более полутора-двух сотен кризисных центров и приютов при потребности примерно в 14 тысяч мест⁴³. Это означает, что у большинства женщин, особенно живущих в регионах, нет физической возможности уйти от насилия. На Северном Кавказе ситуация усугубляется не только давлением традиционных норм, но и тем, что часто женщины находятся условиях экономической зависимости от мужа или своей семьи, отсутствия работы, ограничений на передвижение и контроля со стороны старших родственников.

Однако в последние годы даже эти хрупкие островки безопасности оказываются под угрозой. Большинство негосударственных шелтеров долгие годы существовали за счет грантов и частных пожертвований. Для организаций помощи женщинам, которые получили статус иностранного агента, резко снизилось количество пожертвований от физических лиц, а доступ к государственным грантам полностью закрыт. Например, центр «Насилию.нет» был вынужден закрыть свои программы или полностью свернуть деятельность⁴⁴. Для женщин это означает, что и без того ограниченная сеть помощи продолжает сокращаться, и покинуть насильственную среду для них станет еще сложнее. При отсутствии финансирования, профессиональной охраны, надежных помещений и цифровой защиты сами убежища становятся уязвимыми для проникновения агрессоров:

Мы сопровождали женщину Ф., которая бежала от мужа с двумя детьми. Он ее систематически избивал, и после очередного такого эпизода она обратилась за помощью к нам. Мы направили ее в шелтер, который оказался совершенно незащищен... Ф. включила по глупости старый телефон и сработала функция «Найти устройство». Она работает с точностью до пяти метров. Шелтер усыпил нашу бдительность, сказав, что у них сбита локация. Мы рассчитывали на то, что сбита локация поможет. Однако даже функция сбивания локации, как оказалось, не помогает в таких случаях. Муж Ф. приехал, припарковался рядом и мониторил снаружи где-то сутки... Так он определил конкретный дом, в котором Ф. скрывалась с детьми. С ними проживала еще няня и больше никого... территория никак не охраняется. Единственная защита — это дверной замок. В какой-то момент няня вышла в ближайший магазин и не заперла за собой дверь. Муж воспользовался этим. Просто зашел в дом, взял сына и вышел. (Интервью с юристом по женским делам, Дагестан, 2025 г.)

Европейского суда», 2023 // *Даптар*. Режим доступа: <https://daptar.ru/2023/04/26/uzhasnyj-yarostnyj-zhivotnyj-strakh-napadenie-na-shelter-v-dagestane-i-otvet-evropejskogo-suda/>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁴³ «В России не хватает примерно полторы-две тысячи шелтеров. Экспертное интервью», 2021 // *Даптар*. Режим доступа: <https://daptar.ru/2021/12/16/sheltery/>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁴⁴ «Государство не всегда заботится о своих гражданах. Мы были готовы взять это на себя», 2025 // *Медуза*. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2025/10/24/gosudarstvo-ne-vsegda-zabotitsya-o-svoih-grazhdanah-my-byli-gotovy-vzyat-eto-na-sebja>. Дата обращения: 27.11.2025.

«Пространства для работы уже не осталось», 2025 // *Новая газета Европа*. Режим доступа: <https://novayagazeta.eu/articles/2025/06/19/nasiliu-net-na-grani-zakrytiia>. Дата обращения: 27.11.2025.

Этот эпизод наглядно показывает, что в условиях, когда агрессор активно использует цифровые инструменты слежки и действует решительно, слабозащищенный шелтер дает ложное ощущение безопасности. В таких обстоятельствах любая ошибка может привести к похищению женщины или ребенка. Отсутствие системной поддержки, нехватка ресурсов у помогающих организаций превращают путь к спасению женщины в цепочку постоянных рисков, где любой шаг может обернуться возвращением в ту же насильственную среду, от которой она пыталась скрыться.

Физический выезд из республики и даже из страны не всегда гарантирует женщине безопасность. В отдельных случаях преследование может продолжаться даже за пределами России, где родственники также могут использовать свои личные связи и силовой ресурс для возвращения женщины в семью. Пока задокументированные кейсы относятся только к Армении.

Так, Фатима Зурабова из Ингушетии бежала в Армению после систематических побоев в семье⁴⁵. Армянские силовики пришли в квартиру, где она скрывалась от родственников, и задержали Фатиму, заявив, что она находится в уголовном розыске в России. В полицейском участке Еревана к ней не пустили адвоката и заперли наедине с дядей⁴⁶. По словам правозащитников, дядя Фатимы прямо говорил о том, что у него есть связи и влиятельные друзья в МВД Армении⁴⁷.

Еще одним примером стала трагическая история Айшат Баймурадовой, бежавшей из Чечни от домашнего насилия⁴⁸. В октябре 2025 года Айшат была найдена мертвой в съемной квартире в Ереване. По словам правозащитников, сопровождавших Айшат, ее родственники работали в органах власти, в силовых структурах Чечни, отец Айшат в прошлом работал в правоохранительных органах, и она имела родственные связи с текущим главой Чеченской Республики⁴⁹.

Все приведенные выше истории демонстрируют одну ключевую закономерность — в некоторых республиках Северного Кавказа, особенно в Чечне, Ингушетии и Дагестане, женщина, пытающаяся выйти из-под контроля семьи, сталкивается не просто с частным насилием, а с системой, в которой семейный и силовой ресурсы действуют как одно целое. Государственные институты (полиция, следственные органы) часто не только не защищают женщину, но и активно вовлекаются в ее возвращение в опасную среду. Именно это делает северокавказский регион уникальным по масштабу и плотности давления на женщин.

4. Силовое давление в делах об опеке

Одним из наиболее ярких проявлений этой системы является произвол в вопросах опеки над детьми после разводов. Несмотря на то, что российское

⁴⁵ «Сбежавшую от насилия уроженку Ингушетии задержали в Армении по заявлению родственников», 2023 // *Кавказ.Реалии*. Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/v-armenii-po-zayavleniyu-rodstvennikov-zaderzhali-sbezhavshuyu-ot-nasiliya-urozhenku-ingushetii-/32685388.html>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁴⁶ Там же

⁴⁷ «В Армении полицейские задержали ингушскую девушку, сбежавшую из дома из-за насилия», 2023 // *Холод Медиа*. Режим доступа: <https://holod.media/2023/11/15/v-armenii-policzejskie-zaderzhali-ingushskuyu-devushku-sbezhavshuyu-iz-doma-iz-za-nasiliya/>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁴⁸ «"Для кадыровцев не важно девушка ты, гей или критик". Что известно правозащитникам о смерти чеченки в Ереване?», 2025 // *Русская служба Би-Би-Си*. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/articles/cwykddgp94ko>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁴⁹ Сысоев О., 2025. ««Ее достали и здесь». Гибель уроженки Чечни в Ереване» // *Кавказ.Реалии*. Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/gibelj-urozhenki-chechni-v-erevane/33566104.html>. Дата обращения: 27.11.2025.

законодательство формально признает равные родительские права, в ряде республик Северокавказского региона (Чечне, Ингушетии, Дагестане) органы опеки и суды на практике систематически отдают предпочтение отцам. Такие меры необоснованно мотивируются адатами и традициями, согласно которым дети принадлежат отцовской линии семьи. Женщин часто лишают опеки, не давая возможности ни обжаловать это эффективно, ни получить защиту⁵⁰. Более того, вопреки интересам ребенка, решениям судов и мнению специалистов, матери лишаются не только опеки, но и права на контакт с детьми. Правозащитные организации, работающие на Северном Кавказе, фиксируют устойчивую практику принудительных разлучений матерей с детьми, которая не имеет правового основания и проводится при прямом или косвенном участии представителей власти. В некоторых случаях матери де-факто лишаются родительских прав через давление со стороны бывших мужей, имеющих доступ к силовым и административно-правовым ресурсам.

По свидетельствам юристов правозащитных организаций, практически в каждом из дел, касающихся опеки, есть элементы использования такого рода давления.

Когда мы беремся за какое-то дело, мы практически всегда имеем в виду, держим в голове, что полиция, духовенство — потому что о нем нельзя забывать, особенно в случае с Чечней и Ингушетией — и все прочие будут не на нашей стороне, не на стороне наших подзащитных, наших заявительниц. И так случается практически всегда. (Интервью с юристом из ЧР, июль 2025 г.)

Это такая система, когда очень часто у мужчин находятся связи, благодаря которым они могут задействовать силовой ресурс. Ввиду тейповости и распространенности родственных связей в северокавказских республиках, это делать проще. Проще найти выход к сотруднику правоохранительных служб, который может помочь... В Центральной России это не так закономерно в ситуациях насилия в отношении женщин. (Интервью с юристом по женским делам, Дагестан, май 2025 г.)

Следующий кейс наглядно иллюстрирует то, как силовой ресурс используется в качестве инструмента принуждения в делах об опеке.

Кейс М.

(Чеченская Республика, 2023 год)

В 2014 году М. вышла замуж. Шесть лет спустя муж решил привести в дом вторую жену и пытался убедить М. оформить на себя кредит, чтобы сыграть свадьбу. М. отказалась, и муж выставил ее с двумя детьми (мальчик и девочка) за дверь. Несколько месяцев спустя

после своей второй женитьбы бывший муж забрал сына «на побывку» и не вернул матери, а затем подал иск об определении места жительства детей с ним. Мальчику отец не уделял должного внимания и заботы. После разлуки с матерью у него появились проблемы со здоровьем —

⁵⁰ Антонова Ю.А., Айрапетян И. К., 2023. «Проблема похищения ребенка/детей у матери на примере Республики Дагестан, Республики Ингушетия и Чеченской Республики» // *Ад Рем*, 2023. Режим доступа: <https://adrem.help/pdf/kidnapping/>. Дата обращения: 27.11.2025

Антонова Ю.А., Айрапетян И. К., 2024. «Вырванные из детства». Насильственное разлучение ребенка с матерью» // *Ад Рем*. Режим доступа: <https://adrem.help/pdf/kidnapping2/>. Дата обращения: 27.11.2025

повышенная тревожность, нарушения речи. Мальчик очень боялся своего отца, который часто его наказывал и обращался с ним жестоко. М. обратилась за помощью в органы опеки в Грозном. Согласно их заключению, обоим детям надлежало проживать с матерью. Однако районный, а затем и Верховный суд постановили, чтобы мальчик проживал с отцом, а дочь — с матерью. Отец строго ограничивал общение мальчика с матерью, не давал им видеться. М. тайком приходила в школу к мальчику. В очередной такой визит, увидев, что ее сын находится в крайне тяжелом психологическом состоянии, она забрала мальчика с собой. Узнав об этом, бывший муж вместе со своими родственниками ворвался в дом сестры М., требуя вернуть ему сына. М. с детьми там на тот момент не находилась. М. подавала заявления в правоохранительные органы, включая полицию и прокуратуру, в связи с вторжением на территорию дома и угрозами, но ее обращения либо игнорировались, либо приводили к формальным отказам без реальных действий. Позже М. вызвали в полицию, чтобы снять мальчика с розыска, в который его объявил отец. Это был лишь предлог. М. была задержана на сутки без каких-либо оснований, от нее требовали вернуть сына отцу, угрожали, что если она этого не сделает, то ее брата отправят на войну в Украину. Под таким натиском М. была вынуждена вернуть сына отцу. Когда мальчику сообщили, что мать вынуждена передать ребенка отцу, у него случилась истерика. Он плакал и просил не отдавать его, говорил, что его будут бить за то, что он был с матерью. М. была вынуждена вернуть его и бежать из республики после очередного давления и угроз со стороны бывшего мужа, опасаясь, что и дочь у нее могут отобрать.

На заявления женщины в полицию о неправомерном вторжении бывшего мужа и его родственников на территорию дома ее сестры и угрозах полиция никак не отреагировала, что само по себе свидетельствует о бездействии должностных лиц. Более того, силовой ресурс в этом кейсе использовался для давления и угроз, включая шантаж мобилизацией родственника в зону боевых действий. Последнее, по свидетельствам правозащитников, стало популярным после начала войны в Украине. При этом истории с незаконным задержанием женщин не являются чем-то новым:

Мы называем это «держать в подвалах». Не обязательно, чтобы это были действительно подвалы. Это могут быть какие-то выделенные в полицейском участке пространства для удержания людей, которых по разным причинам могут удерживать. Это могут быть люди, совершенно не связанные с криминальной деятельностью, это могут быть женщины в ситуации домашнего насилия, у которых супруг или родственники используют успешно такой метод. Такое, в основном, происходит в Чечне. У нас не было кейсов из других регионов, чтобы задерживали женщину и удерживали в участке. (Интервью с юристом по женским делам, Дагестан, май 2025 г.)

Подобные случаи демонстрируют, что силовые структуры в Чечне — часть патриархальной системы, обслуживающей частные интересы отдельных семей. Очевидно, что в Чеченской Республике такие практики невозможны без поддержки и попустительства руководства:

Политика, которую утверждает действующее руководство Чеченской Республики, ее направление, дает карт-бланш, зеленый свет на все эти действия. И, возможно, даже в случаях, когда нет... близкой связи

с правоохранителем, родственной, дружеской, человек все равно может найти поддержку. (Интервью с юристом по женским делам, Москва, май 2025 г.)

Так случилось в июне 2020 года, когда в Гудермесе погибла 23-летняя женщина, ее похоронили тайно, ночью на кладбище. Мать погибшей обвинила в убийстве ее мужа, потребовала расследования, заявила о том, что причины смерти ее дочери скрывают из-за того, что ее зять — силовик. Прокуратура провела эксгумацию тела, однако затем мать погибшей вынудили публично извиниться на ЧГТРК Грозный, и дело было замято⁵¹. Некоторые эксперты заявляли,

что подозреваемый в убийстве муж не был силовиком, однако он все равно получил поддержку руководства республики, которое отказалось провести независимое расследование.

Представители руководства республики неоднократно высказывались в поддержку традиционной иерархии, дискриминирующей женщин, и проявляли терпимость к насилию над женщинами.

Так, в 2008 году в интервью «Комсомольской правде» глава Чечни Рамзан Кадиров сказал: «Женщина должна знать свое место... Женщина должна дарить любовь нам... Собственностью должна быть женщина. А мужчина — собственник... Бывает такое: брат сестру убил, муж — жену... Как президент я не могу допустить, чтобы убивали. Вот пусть и не носят шорты».

Ранее, комментируя убийства семи молодых женщин в республике, он высказался еще более недвусмысленно: «Согласно нашим обычаям, если женщина ведет распущенную жизнь, если она спит с мужчиной, то убивают их обоих»⁵². Неудивительно, что при таких политических установках силовые структуры используются как инструмент семейного давления. История А., приведенная ниже, одно из самых ярких и тяжелых свидетельств институционального насилия. Женщина долгие годы пыталась добиться исполнения судебного решения о передаче ей детей, но вместо защиты столкнулась с арестом и уголовным преследованием.

Кейс А.

(Чеченская Республика, 2022 г.)

Муж выгнал А. из дома в 2010 году. С этого момента она была лишена возможности даже видеться со своими двумя детьми вследствие препятствий со стороны бывшего мужа, в то время как решениями национальных судов место жительства детей определено с ней. Несмотря на наличие судебного решения, приставы неоднократно уклонялись от его исполнения. В актах приставов фиксировались отказы родственников бывшего супруга сотрудничать, но никаких реальных мер

для обеспечения исполнения решения предпринято не было. Когда дети были временно возвращены матери, это сопровождалось грубейшим нарушением правопорядка: бывший супруг применил к ней физическое насилие, забрал детей обратно, а правоохранительные органы отказались возбуждать уголовное дело, несмотря на очевидные факты.

⁵¹ «Жительница Чечни заявила о попытке обелить виновных в смерти дочери», 2020 // Кавказский Узел. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/351015/>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁵² «Убийства чести» на Северном Кавказе», 2025 // Кавказский Узел. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/345826/>. Дата обращения: 27.11.2025.

В 2013 году бывший супруг пошел дальше: он подал заявление о краже в особо крупном размере, и А. без оснований привлекли к уголовной ответственности. Она провела два месяца в следственном изоляторе, пока шло следствие по сфабрикованному делу, там она подвергалась в том числе избиениям. Спустя 9 месяцев уголовное преследование было прекращено по причине отсутствия состава преступления, а бывший супруг не понес никакого наказания за ложный донос.

Он продолжил запугивать А., грозя новыми уголовными делами. А. продолжила добиваться исполнения судебного решения, требовала возбудить исполнительное производство по месту жительства детей, но ей отказывали. Лишь в конце 2017 года Верховный суд соседней республики признал отказ незаконным и обязал приставов действовать. Однако это ничего не изменило: производство формально было открыто, но реальных мер снова никто не предпринял. В 2022 году бывший супруг во второй раз заказал уголовное дело в ее отношении по статье за мошенничество. А. провела почти 9 месяцев в одном из ОВД Чечни, все это время она содержалась инкоммуникадо. Затем ей был озвучен приговор, предусматривающий наказание в виде условного срока. Ей оказывали помощь адвокаты и правозащитники, но системные препятствия не позволяли добиться справедливости.

Несмотря на годы борьбы, получить возможность воспитывать детей А. не удалось. Стремление защитить свои права и права детей в этом кейсе привело к реальному содержанию заявительницы под стражей в общей сложности в течение года, и возбуждению против нее уголовных дел. После второго уголовного дела она получила условный срок с испытательным сроком 1 год и 6 месяцев. В этом кейсе можно увидеть, как силовое и административное давление превращается в инструмент институционального насилия. На протяжении более чем десяти лет женщина пыталась реализовать свое законное право воспитывать собственных детей, но государственные институты (суды, приставы, полиция) систематически отказывались исполнять решения и защищать ее права. Этот случай показывает не только то, как неэффективны государственные институты, но и то, как они избирательны. Система фактически обслуживает интересы более влиятельной стороны, а на Северном Кавказе это практически всегда мужчина, который либо обладает связями, либо его стремление наказать бывшую жену за то, что она не желает мириться со сложившейся традицией патрилинейности, находит отклик и сочувствие у других мужчин, имеющих доступ к государственному аппарату.

5. Использование административного ресурса

Как было упомянуто ранее, административный и силовой ресурс часто используются в тандеме. Если силовое давление проявляется в угрозах, задержаниях и прямом вмешательстве, то административно-правовое проявляется в отказах судов, затягивании дел, формальных отписках, бездействии приставов. Эти мелкие, на первый взгляд, действия складываются в систему, которая лишает женщин возможности добиться защиты и справедливости.

Кейс Л.

(Чеченская республика, 2021 год)

После развода двое дочерей Л. по настоянию бывшего мужа, муфтията и ее родственников остались проживать с отцом. В течение многих лет

дети подвергались физическому и психологическому насилию со стороны мачехи. Обращения Л. к бывшему мужу, его родственникам и своим родственникам с просьбой передать ей детей были проигнорированы. После очередного избиения девочки сбежали из дома отца к своей матери. Л. освидетельствовала детей в больнице, где были зафиксированы множественные телесные повреждения. Проведенная впоследствии психолого-психиатрическая экспертиза выявила у детей наличие ПТСР. Несмотря на это бывший муж предпринимал активные действия к тому, чтобы дети были вновь возвращены ему. Бывший муж направлял заявления в различные органы МВД, прокуратуру, уполномоченному по правам ребенка, в муфтият, в которых говорилось о том, что детей у него украла бывшая жена, и просил вернуть их. Муфтият, в свою очередь, вызвал родственников Л., всячески пытаясь убедить их повлиять на Л., чтобы она отказалась от детей и передала их родственникам отца. Л. подала заявление в СУ СК России по ЧР о совершенном в отношении ее дочерей преступлении, но уголовное дело не возбуждалось. Лишь после того, как записанное ею в больнице видео с фиксацией телесных повреждений оказалось в интернете, было возбуждено уголовное дело по ст. 117 УК РФ (истязание). Первоначально расследование велось следователем, тесно связанным с отцом детей, что ставило под сомнение его беспристрастность. После жалобы адвоката дело изъяли из районного подразделения и передали в центральное следственное управление. Лишь тогда процесс сдвинулся с мертвой точки. Параллельно с уголовным делом Л. подала заявление в суд об определении места жительства детей с матерью, и суд, наконец, вынес решение в ее пользу. Даже после доказанного насилия и признания вины мачехи суд назначил ей условное наказание, признав смягчающими обстоятельствами ее признание и наличие троих малолетних детей.

История Л. показывает, как взаимодействуют разные уровни давления: семейный, религиозный, административный и судебный.

Муфтият в северокавказских республиках также чаще выступает на стороне мужчины и его интересов. Хотя муфтият не обладает юридическими полномочиями вмешиваться в семейные дела или в вопросы опеки над детьми, на практике его авторитет используется для легитимации патриархальных норм и давления на женщин. Женщина, решившая защищать себя и своих детей, оказывается один на один с целой системой. Решение суда в этом кейсе стало проявлением системной толерантности к насилию в семье, где аргументы о сохранении семьи ставятся выше защиты жертв.

Кейс К.

(Республика Ингушетия, 2021 год)

К. развелась с мужем из-за систематических побоев, которые никак не проверялись правоохранительными органами, несмотря на ее обращения. Она сбежала от мужа и обратилась в Московский суд с иском о расторжении брака и об определении места жительства несовершеннолетнего сына с ней, которые были судом удовлетворены. Ее бывший супруг обладал серьезными связями: его сестра — прокурор в одном из районов Москвы. Несмотря на решение суда о проживании ребенка с матерью, мужчина более трех лет препятствовал исполнению этого решения, меняя места регистрации в Чечне и Ингушетии. Женщина неоднократно сталкивалась с административно-правовыми манипуляциями: в судах низших инстанций и органах опеки ей отказывали,

выносили затягивающие решения, принимали встречные иски от бывшего мужа. Во время судебного заседания в Ингушетии, инициированного мужем, судья открыто выражала предвзятость, а представители опеки заявляли, что «ребенку нужен отец». Бывший муж использовал административный ресурс семьи, распространяя слухи о психическом расстройстве женщины. В результате ей пришлось пройти две психолого-психиатрические экспертизы, которые не подтвердили наличие у нее каких-либо нарушений. При помощи правозащитников спустя три с половиной года борьбы суд, наконец, отказал в иске отца, восстановив права матери.

В этом кейсе бывший муж прибег к стратегии дискредитации К., поставив под сомнение ее психическую адекватность. Используя свое положение и связи, на протяжении более трех лет он фактически саботировал исполнение решения суда. Он менял адреса регистрации в Чечне и Ингушетии, что позволяло ему переносить дела в регионы, где у него было больше шансов на то, чтобы оспорить первоначальное решение в пользу матери, где судьи и представители органов опеки чаще всего выступают на стороне мужчины в таких делах.

Обвинения в психической неадекватности регулярно встречаются в делах, особенно когда речь идет о молодых девушках, сбежавших от насилия в семье. Они стигматизируют женщину и служат удобным инструментом для затягивания процесса, ведь каждое назначение экспертизы означает месяцы ожидания и новые расходы.

Одна из уловок, которую они [родственники женщины] используют — это объявить девушек задним числом недееспособными, состряпать какую-нибудь бумажку о том, что она не в себе, имеет психические заболевания и все прочее. Абсолютно все играет на руку тем, кто хочет расправиться с женщиной. (Интервью со Светланой Анохиной, правозащитницей, журналисткой, июль 2025 г.)

Широкие возможности для разнообразных манипуляций и форм давления, к которым мужчины в некоторых республиках Северного Кавказа могут безнаказанно прибегнуть для осуществления контроля, наказания или дискриминации женщин, делает регион привлекательным для агрессоров из других регионов.

Есть такие туры из Центральной России на Северный Кавказ супругов, которые не хотят передавать матери детей, которых они должны отдать по решению суда. Решение может быть вынесено в Центральной России, они прописывают детей на Кавказе, благодаря чему исполнение становится невозможным. По закону должно быть исполнено, но приставы в Чечне и в Ингушетии просто не передают детей матери (Интервью с юристом из Дагестана, май 2025 г.)

Этот механизм «туров» ярко виден в следующем ниже кейсе. В июне 2022 года по этому кейсу было вынесено положительное решение ЕСПЧ⁵³. Европейский суд признал нарушение статьи 8 Европейской конвенции «Право на семейную жизнь».

⁵³ Case of Y.Y. and Y.Y. v. Russia, no. 43229/18, decision of 8 March 2022, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22:%5B%2243229/18%22%5D,%22itemid%22:%5B%22001-216018%22%5D%7D>. Accessed: 27/11/2025

Кейс Я.

(Санкт-Петербург, Чеченская Республика, 2018 год)

После расторжения брака суд в Санкт-Петербурге определил место жительства ребенка с матерью, но отец отказался выполнять решение и не передал ребенка. После определения судом места жительства ребенка с матерью бывший муж Я. зарегистрировался в Чеченской Республике, несмотря на то, что фактически туда не переезжал. Исполнительное производство было в скором времени перенесено в Чеченскую Республику, где местные традиции поддерживают воспитание детей отцами. Это привело к сложностям в исполнении решения суда Санкт-Петербурга. Приставы-исполнители в ЧР не исполняли предписания судебного

постановления. Помимо этого, бывший муж рассчитывал, что в ЧР он сможет получить новое судебное постановление в свою пользу. Отец попытался инициировать новый судебный процесс в Чечне, но Верховный Суд республики прекратил дело, выявив подлог документов. После того как начались исполнительные действия в Чечне, мать уведомляли в последний момент, что делало невозможным ее своевременное прибытие на заседание. Очередные исполнительные действия не привели к передаче ребенка: приставы спрашивали мнение ребенка в присутствии отца, что могло повлиять на его ответы. Также отсутствовали органы опеки, что нарушило процедуру. Передача ребенка матери не состоялась, а исполнительное производство окончательно завершилось без исполнения решения суда. Лишь спустя 2 года и 6 месяцев Я. смогла забрать своего сына, после передачи исполнительного производства из ЧР в Московскую область.

Кейс Я. демонстрирует, как правовые механизмы, формально предназначенные для защиты интересов ребенка и обеспечения исполнения судебных решений, на практике оказываются бессильными перед локальными традициями. Судебное решение, вынесенное в одном из крупнейших городов России, фактически теряет силу, когда сталкивается с реалиями правоприменения в Чеченской Республике. Местные органы исполнения судебных решений действуют не в соответствии с федеральным законодательством, а в рамках локальных культурных норм и патриархальных представлений о том, что ребенок по умолчанию должен оставаться с отцом.

В этом, как и во многих других случаях, зафиксированных правозащитниками, судебные приставы в Чечне фактически отказались исполнять предписания суда, ограничившись формальными действиями, что, по сути, является отражением системной практики, при которой федеральные законы интерпретируются через призму местных традиций.

Приставы во время исполнительных действий могут просто себя вести пассивно, не исполнять свои обязанности, не привлекать психологов и потом сделать вывод о том, что ребенок сам не идет к матери, хотя ребенок чаще индуцирован... То есть они как бы занимают такую пассивную роль фактически для того, чтобы поддерживать отца, чтобы решение суда не исполнялось. (Интервью с адвокатом, ЧР, июнь 2025 г.)

Широкий резонанс получил кейс Анны Смирновой⁵⁴, жительницы Подмоско-

⁵⁴ Сулейманова А., 2025. «Опека по-кавказски» // Дагестанская правда. Режим доступа: <https://dagpravda.ru/pravoporyadok/opeka-po-kavkazski/>. Дата обращения: 27.11.2025.

«Дело Смирновых показало вольную трактовку решений по делам об опеке в Дагестане», 2025

вья, чей бывший муж после развода увез детей в Дагестан. Несмотря на постановление Красногорского городского суда о передаче матери двух мальчиков на время разбирательства об их месте жительства, судебные приставы в Махачкале не исполнили решение⁵⁵.

Решения Европейского суда по правам человека, вынесенные в 2025 году, лишь подтвердили системность этой проблемы. В сентябре 2025 года было вынесено положительное решение по статье «Право на семейную жизнь» по делу Тухаевой Жанетты, которая с 2014 года добивается возвращения своего старшего сына, похищенного бывшем мужем⁵⁶. Несмотря на решения суда в пользу Жанетты, ребенок не был ей возвращен, судебные приставы бездействовали. В деле Тухаевой Судом также признано нарушение статьи 14 — дискриминация в связи распространением гендерных стереотипов и дискриминационных практик на Северном Кавказе в вопросах опеки над детьми⁵⁷.

Также в сентябре 2025 года еще по двум делам из северокавказского региона Суд нашел нарушения статьи 8 Европейской конвенции «Право на семейную жизнь». В одном из этих дел женщина, вернувшаяся из Германии в Чечню после депортации, столкнулась с тем, что ее бывший муж похитил ребенка. Она обращалась за помощью в правоохранительные органы, но безрезультатно. Ее обращения игнорировали, а в ее адрес стали поступать угрозы от бывшего мужа и его родственников⁵⁸.

Второе дело касается схожей ситуации, произошедшей в Дагестане, где отец вывез ребенка из Тюменской области в Дагестан, несмотря на решение суда в пользу матери. Мать обратилась в суд в Махачкале, который обязал отца вернуть ребенка. Было возбуждено исполнительное производство, прокуратура РФ постановила устранить допущенные Федеральной службой судебных приставов нарушения, и тем не менее решение суда до сих пор остается неисполненным⁵⁹. К сожалению, на сегодняшний день признание нарушений не приведет к восстановлению справедливости, так как механизм исполнения решений ЕСПЧ более не действует в России.

Как показал анализ этой главы, в ряде северокавказских республик пробелы в законодательстве и правоприменении усугубляются социальными нормами и неформальными практиками. Женщины в этом регионе сталкиваются с двойным уровнем уязвимости. С одной стороны, отсутствуют действенные государственные механизмы защиты, а с другой, женщина сталкивается с общественной системой, в которой она рассматривается как подчиненная фигура, чья автономия строго ограничена.

Можно сказать, что в Чечне, Ингушетии и частично Дагестане использование силового и административно-правового ресурса — это система, обусловленная тесными родственными связями в обществе, патрилинейностью, политикой властей, поощряющей возвращение женщин в семью любой ценой, терпимым

// *Кавказский узел*. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/411276>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁵⁵ Там же

⁵⁶ Как было сказано выше, несмотря на то, что Россия вышла из Совета Европы в 2022 году, Суд продолжает рассматривать заявления, поданные до этого момента. «ЕСПЧ признал нарушение прав Жанетты Тухаевой в тяжбе о детях», 2025 // *Кавказский Узел*. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/416201>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁵⁷ Case of Klymenko and others v. Russia, no. 23855/22, decision of 18 September 2025, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-244811>. Accessed: 27/11/2025.

⁵⁸ Case of Dymov and others v. Russia, no. 40866/21, decision of 18 September 2025, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-244820>. Accessed: 27/11/2025.

⁵⁹ Case of Dymov and others v. Russia, no. 17432/21, decision of 18 September 2025, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-244820>. Accessed: 27/11/2025.

отношением к домашнему насилию в обществе. Силовые и административно-правовые механизмы давления на женщин в ситуации домашнего насилия не только формируют систему структурного неравенства, но и обеспечивают ее устойчивость. Важно продолжать документировать происходящее и рассматривать эти нарушения как часть системной проблемы, а не как отдельные случаи. Возможность обезопасить себя, своих детей и найти реальное укрытие зачастую отсутствует даже в другом регионе России. Это делает выезд за пределы страны единственным способом спастись.

6. Давление на правозащитников

Силовое и административное давление часто направлено не только на женщин, пытающихся защитить свои права, но и на тех, кто им помогает. Работа по защите женщин от насилия в северокавказских республиках сопряжена с постоянными рисками. Юристы, правозащитники и активисты, сопровождающие такие дела, регулярно сталкиваются с угрозами, публичной травлей и попытками дискредитации.

После каждого какого-то громкого кейса — хотя мы стараемся кейсы не публичить, публичим их только в том случае, если это на пользу самой девушке — угроз все больше. (Интервью с правозащитницей, Дагестан, июль 2025 г.)

Система реагирует на их деятельность как на угрозу сложившемуся порядку. Даже открытые угрозы в адрес правозащитников остаются без реакции, при этом местные власти открыто поддерживают их преследование.

Показательна реакция на недавнее дело Айшат Баймурадовой⁶⁰. Уполномоченный по правам человека Чеченской Республики публично обвинил в ее гибели правозащитников, помогавших девушке покинуть регион. Подобные заявления усиливают уже существующую враждебность к организациям и активистам и фактически легитимируют насилие в отношении них.

...Ощущение постоянной угрозы и ненависти, которые направлены на тебя со всех сторон, не со стороны двух-трех идиотов в соцсетях, а общего осуждения, негодования... зверя, у которого из пасти вытащили очередную добычу, вот оно чувствуется. Каждый раз, когда что-то происходит, это чувствуется. (Интервью со Светланой Анохиной, правозащитницей, журналисткой, май 2025 г.)

Помимо публичных кампаний и силового давления правозащитники регулярно сталкиваются с угрозами со стороны родственников женщин, которым они помогают. Такие угрозы часто становятся инструментом запугивания и эмоционального давления, направленного на то, чтобы заставить активистов отказаться от помощи пострадавшим. Угрозы могут приходиться в личные сообщения, через телефонные звонки, а иногда — в форме прямой слежки за правозащитниками и их семьями.

Очень часто бывает, что мне пишут с угрозами... у нас была девушка че-

⁶⁰ «Никто даже не пытался скрыть следов. Это послание девушкам, которые убегают», 2025 // Медуза. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2025/10/23/nikto-dazhe-ne-pytalsya-skryt-sledov-eto-poslanie-devushkam-kotorye-ubegayut>. Дата обращения: 27.11.2025.

«В Армении возбудили уголовное дело о преднамеренном убийстве бежавшей из Чечни Айшат Баймурадовой», 2025 // Настоящее время. Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/v-armenii-vozbudili-ugolovnoe-delo-ob-ubiystve-bezhavshey-iz-chechni-ayshat-baymuradovoy/33587058.html>. Дата обращения: 27.11.2025.

тыре года назад, ее муж до сих пор мне пишет. Вот недавно, позавчера, опять сообщил, что он написал на нас жалобы во все инстанции, что он с журналистами приедет, что он снимает про нас фильм... Мне писали, что знают, в какую школу ходит моя внучка, что они отрежут голову моему сыну. Ну, понятно, что они ничего этого не сделают, но само по себе это очень неприятно. Было такое, что организовали слежку возле нашего шелтера, подходили к нашим сотрудникам и угрожали им. (Интервью с правозащитницей, Москва, июнь 2025 г.)

Часто подобные ситуации происходят, когда речь идет о спорах об опеке, где силовые и родственные связи определяют исход дела в большей степени, чем решения суда. В таких случаях правозащитники сталкиваются не просто с сопротивлением системы, а с открытым давлением.

...Вот, например, такой случай. Отец забрал детей и не отдавал, хотя все суды были в пользу матери, а он не отдает. И сообщение было со школы, что девочка пришла избитая... У девочки зафиксировали побои. Отец неадекватный — он со мной чуть ли не дрался. Я заслоняла собой девочку и мать, а сотрудники ПДН вообще в стороне стояли... Мы в итоге забрали в тот день девочку. На второй день мне позвонили и сказали, чтобы я ушла из дела, потому что начальник райотдела — брат одного из родственников мужа... Он хотел даже, чтобы ночью меня привезли в отдел. Я сказала, никуда не уйду... Потом мне позвонил начальник следствия и говорит: «Уйди, пожалуйста. Не доводи. Я тебя защитил сейчас, а дальше не смогу. Ты же знаешь, что это за люди. Ты же не хочешь, чтобы у тебя дома нашлась наркота или что-то ещё». Мне пришлось уйти. Мать девочки меня не поняла, конечно, обиделась. (Интервью с адвокатом, ЧР, август 2025 г.)

Враждебная риторика и угрозы порой перерастают в прямое насилие. Правозащитники и их родственники сталкиваются и с физическими нападениями. Одним из наиболее показательных примеров такого давления стал случай с чеченским правозащитником Магомедом Аламовым, произошедший после того, как он подвез до аэропорта Марину Яндиеву, бежавшую из Ингушетии от семейного насилия⁶¹. Сначала Аламова вызывали в Центр по противодействию экстремизму на допрос, а через три дня чеченские силовики похитили его брата⁶². Когда Аламов приехал к родственникам девушки в Ингушетию для того, чтобы объяснить ситуацию и свою непричастность к похищению девушки, ему угрожали убийством⁶³. По словам активистов, родственники девушки были связаны с силовыми структурами, и у них была возможность влиять на чеченскую и ингушскую полицию⁶⁴. Этот случай наглядно демонстрирует, как

⁶¹ Ромашова О., 2023. «Я с детства вижу, что женщин лишают права голоса, применяют насилие, убивают» // Медиазона. Режим доступа: <https://zona.media/article/2023/10/24/marina>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁶² «Если за неделю вы не вернетесь, меня убьют», 2023 // Новая газета Европа. Режим доступа: <https://novayagazeta.eu/articles/2023/10/24/esli-za-nedeliu-vy-ne-vernetes-menia-ubiut-news>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁶³ «Правоохранители проигнорировали сообщения об угрозе убийства Аламова», 2023 // Кавказский Узел. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/393759>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁶⁴ «В Ингушетии правозащитнику угрожают убийством родственники сбежавшей от домашнего насилия девушки», 2023 // RFI. Режим доступа: <https://www.rfi.fr/ru/%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F/20231026-%D0%B2-%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%83%D1%88%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D1%83-%D1%83%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82>

государственные структуры используются для оказания давления на правозащитников, и в качестве инструмента давления могут использовать его или ее семью.

Этот же механизм работает и за пределами северокавказского региона. Влияние сотрудников силовых структур Северного Кавказа через личные связи и неформальные договоренности распространяется далеко за пределы республик. Следующий случай, произошедший осенью 2025 года с одной из юристок, занимающейся помощью женщинам, демонстрирует, как влиятельные родственники девушки, занимающие руководящие должности в местном отделе полиции в одном из городов Республики Дагестан, смогли использовать свое служебное положение и весь массив оперативных возможностей без каких-либо законных оснований в своих личных целях, находясь за сотни километров от Москвы:

Девушка сбежала из дома из-за насильственного замужества. Ее хотели выдать замуж против ее воли. После побега родители объявили девушку в розыск. Ее отец и дядя занимают руководящие должности в местном отделе полиции, в котором и был инициирован розыск. Девушка обратилась за помощью в одну из правозащитных организаций. Я посоветовала и передала контакт адвоката помогающему девушке специалисту для юридической поддержки при снятии с розыска. Сама же в контакте с девушкой никогда не была.

После этого мне стали поступать звонки от работников полиции Дагестана, которые искали девушку. По моему номеру телефона они пробили все мои данные: мои паспортные данные, данные о регистрации, сведения о пересечениях границы.

Через несколько дней они приехали ко мне домой в Москву... Приехали несколько человек из Дагестана, и... вызвали наряд по моему адресу, сказав в полиции, что у меня дома насильно удерживается девушка. Без каких-либо доказательств и оснований. Меня задержали и доставили в отдел, опросили. Помимо самих сотрудников московского отдела в кабинете было очень много людей кавказской внешности, которые не являлись работниками московской полиции. Они были либо работниками дагестанской полиции, либо родственники девушки. Из отдела полицейские пришли ко мне домой, осмотрели мою квартиру как место происшествия. Естественно, там они никого не нашли, там девушки никогда не было.

Дальше родственники девушки уже действовали не через официальные правоохранительные каналы и процедуры, которые им ничего не дали, а организовали за мной слежку. Рядом с моим домом дежурила машина, в которой были люди кавказской внешности, которых я видела ранее в отделе. Они периодически подходили к моей двери, что-то делали на площадке, фотографировали мою дверь и электрощит. И продолжались звонки, теперь уже не только от сотрудников дагестанской полиции, но и от родственников. Они могли звонить поздно ночью или в 6 утра, за день могли звонить по 10 раз. В одном из звонков отец девушки, сотрудник полиции, начал высказывать угрозы. Он говорил, что он мне не верит, что они будут дальше меня проверять, что меня оставят

[%D0%B2%D0%BE%D0%BC-%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B0%D0%B2%D1%88%D0%B5%D0%B9-%D0%BE%D1%82-%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F-%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B8](#). Дата обращения: 27.11.2025.

в покое только если они убедятся, что я не причастна к этой истории, а если обнаружат обратное, то меня накажут. Более того, звонки стали поступать моей маме...

Я подала в полицию заявления о преступлении в связи с незаконным преследованием, слежкой, превышением сотрудниками полиции своих должностных полномочий и незаконным сборением сведений о моей частной жизни. Однако никаких действий по моим заявлениям московскими полицейскими проведено не было.

Из этого кейса видно, что региональные сотрудники силовых структур способны подключать федеральный аппарат принуждения так же легко, как местные структуры, используя личное влияние, доступ к информационным системам и неформальные договоренности. Случай юристки, которая через третье лицо посоветовала адвоката беглянке и лишь помогла установить контакт с адвокатом, наглядно показывает, что для того, чтобы стать объектом преследования, достаточно минимального участия в защите прав женщин и девушек из северокавказского региона.

Приватизация силовых структур, сильные родственные связи, переплетённость личных связей с административными полномочиями превращают правозащитную деятельность в опасную профессию. Угрозы, слежка, запугивание и попытки устранить юристов из дел стали частью обыденной практики.

Правозащитники вынуждены ограничивать публичность, не называть имена, скрывать адреса шелтеров, эвакуировать не только женщин, но и собственных сотрудников. Такое давление снижает эффективность правозащитной деятельности, организации и активисты теряют возможности для стратегических действий, концентрируются на экстренном реагировании и безопасности, а женщины остаются без системной поддержки.

В этих условиях защита женщин требует не только профессиональной компетенции, но и личной смелости и взаимной поддержки между активистами. Пока правозащитная работа воспринимается как вмешательство во внутренние дела семьи или региона, риск для тех, кто помогает женщинам, остается реальным. Тем не менее именно эти люди и организации — последняя надежда на защиту для женщин, которым отказали и семья, и государство.

Глава 3. Традиционные ценности, война и безнаказанность

Рассмотренные во второй главе кейсы показывают, что насилие в отношении женщин на Северном Кавказе нельзя объяснить только локальными обычаями или отдельными злоупотреблениями полномочиями. Эти практики опираются на общие для современной России политические и культурные тенденции. Чтобы понять, почему силовой и административно-правовой ресурсы превращаются в инструмент контроля над женщинами, важно выйти за рамки региональной специфики и посмотреть на общегосударственную идеологическую рамку.

1. Идеология «традиционных ценностей»

Как было отмечено в Главе 1, несмотря на формальное принятие целого ряда международных обязательств, на практике реализация этих норм остается фрагментарной. Причиной этого может быть совокупность взаимосвязан-

ных политических, социально-культурных и институциональных факторов. Социально-культурный контекст формирует поведение людей и задает границы того, что считается в обществе допустимым или приемлемым. В российской действительности по-прежнему сильны представления о том, что домашнее насилие — это внутреннее, частное дело семьи. Согласно последнему опросу ВЦИОМ⁶⁵, большая часть респондентов считает, что такие вопросы должны решаться внутри семьи и прибегать к помощи со стороны (полиция, родственники, социальные службы) не стоит.

Моральные установки общества и коллективное безразличие к подобным проявлениям становятся мощными механизмами, поддерживающими легитимацию насилия как способа сохранения традиционных гендерных ролей. Именно моральные нормы и групповая солидарность служат основой для укрепления системы, в рамках которой насилие в отношении женщин воспринимается как допустимое.

Значительную роль играют также государственные институты, поскольку именно они формируют культурные и правовые ориентиры, определяющие, какие ценности и нормы становятся доминирующими в обществе.

Декриминализация побоев, отказ от принятия закона о домашнем насилии, игнорирование международных обязательств стало частью политической стратегии современной России⁶⁶. Так, в 2018 году, отказываясь ратифицировать Стамбульскую конвенцию, Россия заявила, что ее положения не соответствуют «традиционным нравственным и семейным ценностям» и «концепции государственной семейной политики Российской Федерации до 2025 года»⁶⁷. Подобная позиция не только закрепляет патриархальные установки в государственной политике, но и фактически блокирует внедрение эффективных мер по защите женщин от насилия.

С началом войны в Украине нарратив о традиционных семейных ценностях зазвучал с новой силой. Под лозунгами защиты нравственности и демографического будущего страны в общественное и правовое пространство внедряются меры, закрепляющие патриархальные представления о семье и роли женщины.

В ноябре 2024 года был принят закон «о запрете пропаганды чайлдфри»⁶⁸. Закон «разработан во исполнение Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁶⁹. Этот закон стал частью общей стратегии подчинения репродуктивного выбора женщин интересам государственной демографической политики⁷⁰. Так, в не-

⁶⁵ Смак Т., 2025. «Семейные тайны: мониторинг» // ВЦИОМ, 25 сентября. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinye-tainy-monitoring>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁶⁶ Rollins K., 2022. "Putin's Other War: Domestic Violence, Traditional Values, and Masculinity in Modern Russia." // Harvard International Review. URL: <https://hir.harvard.edu/putins-other-war/>. Accessed: 27/11/2025/

⁶⁷ Тягай Е., 2019. «Страна советов. Что мешает улучшить положение женщин в России на законодательном уровне» // Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/385837-strana-sovetov-cto-meshaet-uluchshit-polozhenie-zhenshchin-v-rossii-na>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁶⁸ «Депутаты Госдумы приняли закон о запрете пропаганды чайлдфри в окончательном чтении», 2024 // Бизнес онлайн. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/news/654012>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁶⁹ Тягай Е., 2024. «Молчание или монашество: как будет работать запрет "пропаганды чайлдфри"» // Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/525307-molcanie-ili-monasestvo-kak-budet-rabotat-zapret-propagandy-cajldfri>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁷⁰ «"Мужские" профессии, алименты и репродуктивное давление», 2024 // Верстка. Режим доступа: <https://verstka.media/kak-izmenilas-zhizn-rossiyskih-zhenshin-na-fone-voyni>. Дата обращения: 27.11.2025.

которых регионах введены специальные выплаты для беременных школьниц и студенток, что фактически поощряет раннее материнство и закрепляет представление о деторождении как общественном долге женщины⁷¹. Хотя законодательство об абортах в России формально остается либеральным, на практике доступ к безопасному прерыванию беременности становится все более ограниченным⁷². Ситуация усугубляется в текущих условиях военного времени. Возвращение части участников боевых действий в Украине, законодательные изменения и вербовка на фронт заключенных создают дополнительные риски для женщин, сталкивающихся с насилием.

2. Влияние войны в Украине

Правозащитники прогнозировали рост насилия в отношении женщин с начала военных действий России в Украине⁷³. Основным аргументом было то, что многие военные вернутся с территории боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), и это станет одной из причин обострения внутрисемейного насилия. Еще одним фактором, вызывавшим опасения и прогнозы скачка насилия, стало участие в боевых действиях бывших заключенных.

По независимым оценкам, только с 2022 по 2023 год на фронте оказались около 50 тысяч заключенных, сначала в составе «ЧВК Вагнера»⁷⁴, а затем в подразделениях Министерства обороны⁷⁵. До 2022 года российское законодательство не позволяло заключенным принимать участие в боевых действиях. Эта прак-

⁷¹ «В регионах вводят выплаты беременным школьницам и студенткам: зачем это делают и что говорит эксперт», 2025 // Т-Ж. Режим доступа: https://t-j.ru/news/vyplaty-beremennym-shkolnicam/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. Дата обращения: 27.11.2025.

Чевтаева И., 2025. «Выплаты беременным школьницам в РФ: поощрение вместо помощи» // Deutsche Welle. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/vyplaty-beremennym-shkolnicam-v-rf-pooshchrenie-vmesto-pomoshchi/a-72411300>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁷² Женщины сталкиваются с отказами, затягиванием сроков, психологическим давлением и неформальными запретами. Частные клиники отказываются проводить аборт под давлением православных активистов и чиновников; в государственных учреждениях пациенткам показывают муляжи эмбрионов, зачитывают письма патриарха или проводят беседы с участием священников. С 2023 года активно распространяются антиабортные инициативы, продвигаемые пролайф-движениями в сотрудничестве с Общественной палатой РФ. Главным инструментом давления стали региональные законы о «запрете склонения к аборту», предполагающие штрафы за любые формы убеждения женщины прервать беременность.

«Аборты в России официально не запрещены», 2025 // Медуза. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2025/04/28/aborty-v-rossii-ofitsialno-ne-zapresheny-zakonodatelstvo-liberalnoe-no-iz-za-raznyh-zapretov-zhenschinam-vse-chasche-otkazvayut-v-preryvanii-beremennosti>. Дата обращения: 27.11.2025.

«Вы вся больная, а ещё аборт собираетесь делать. С ума сошли?», 2024 // Верстка. Режим доступа: <https://verstka.media/kak-vrachi-v-rossijskih-klinikah-po-metodichkam-otgovarivayut-pacientok-ot-aborta>. Дата обращения: 27.11.2025.

Вольянова С., Кирюхина Я., Платонова А., 2025. «Официально никто ничего не запрещает». Как в российских регионах исчезает возможность сделать аборт» // Русская служба Би-Би-Си. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/articles/cx2094r1dm3o>. Дата обращения: 27.11.2025

Стрельников А., 2023. «Аборты в России. В частных клиниках уже введен запрет?» // Deutsche Welle. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/aborty-v-rossii-v-castnyh-klinikah-uze-vveden-zapret/a-67418676>. Дата обращения: 27.11.2025

⁷³ «Готовьтесь к насилию. Как военные действия влияют на внутрисемейные отношения, структуру преступности и полицейский произвол», 2023 // Новая газета. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2023/05/10/gotovtes-k-nasiliiu-media>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁷⁴ «"ЧВК Вагнера" завербовала в колониях 48 тысяч заключенных, из них во время боев за Бахмут погибли не менее 17 тысяч», 2024 // Медиазона. Режим доступа: <https://zona.media/news/2024/06/10/project-k>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁷⁵ Ившина О., Лотарева А., Горяшко С., Платонова А., 2023. «Убойная сила: как Минобороны России вербует заключенных из колоний» // Русская служба Би-Би-Си. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-65459280>. Дата обращения: 27.11.2025.

тика считалась несовместимой с принципами исполнения наказаний. Однако все изменилось с началом боевых действий в Украине. Согласно подсчетам независимых исследователей, не менее 17 тысяч из них погибли, а многие из тех, кто остался в живых, вернулись домой. Среди них есть и те, кто совершил тяжкие насильственные преступления⁷⁶. Во время вербовки заключенных в 2022–2023 годах не наблюдалось разграничений по характеру или тяжести преступлений. Вербовали заключенных из колоний общего, особого и строгого режима, то есть и тех, кто осужден за убийства, и тех, кто был наказан за бытовые преступления⁷⁷.

В сентябре 2023 года были подписаны два ключевых закона, которые позволили создать правовую базу для новой реальности. Первый вносил поправки в закон «О воинской обязанности и военной службе». Теперь закон разрешает тем подсудимым, чьи дела находятся в судах первой или апелляционной инстанции, заключать контракт на службу во время мобилизации и военного времени. Второй закон касается Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов. Согласно поправкам, в случае ухода на фронт в период мобилизации или военного времени для подсудимых предусматривается возможность приостановки судопроизводства по делам и освобождение от уголовной ответственности. Таким образом, на время службы дело замораживается, а окончательное освобождение от наказания наступает, если подсудимый получит государственную награду или будет уволен с военной службы. Однако, есть несколько исключений: это не касается преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, терроризма, экстремизма, незаконного обращения с ядерными материалами и госизмены⁷⁸. Таким образом, эти нормы фактически отменили принцип неотвратимости наказания. Если раньше судимость ограничивала доступ к определенным видам деятельности и сопровождалась административным надзором, то, согласно новым поправкам, все последствия могут быть сняты одним решением о помиловании или награждении.

Практика приостановления уголовного преследования, а потом и освобождения от уголовной ответственности участников войны просто растоптала все права потерпевших. Мы не можем потерпевшую защитить. У нас уголовные дела не расследуются, обстоятельства не устанавливаются... По сути, у нас и раньше этих механизмов не было нормальных, а сейчас с участниками войны у нас просто абсолютная беззащитность потерпевших. (Интервью с адвокатом Мари Давтян, сентябрь 2025 г.)

На данный момент организации, работающие с женщинами, не фиксируют заметного увеличения числа обращений в связи с домашним насилием. По их оценке, жалоб примерно столько же, сколько их было до начала войны⁷⁹.

⁷⁶ Фохт Е., Барабанов И., Ившина О., 2024. «"Всё, как у контрактников, но помилования уже нет". Что ждет заключенных, которые сейчас едут воевать в Украину» // *Русская служба Би-Би-Си*. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/articles/clev58319pvo>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁷⁷ «"ЧВК Вагнера" вербовала в колониях 48 тысяч заключенных, из них во время боев за Бахмут погибли не менее 17 тысяч», 2024 // *Медиазона*. Режим доступа: <https://zona.media/news/2024/06/10/project-k>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁷⁸ Плетнева С., 2024. «Путин разрешил подсудимым заключать контракт на военную службу» // *Forbes*. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/society/522396-putin-razresil-podsudimym-zaklucat-kontrakt-na-voennuu-sluzbu>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁷⁹ «Глубинное исследование работы "Насилию.нет": о чем говорят сотрудницы адресной помощи в 2024 году», 2024 // *Насилию.Нет*. Режим доступа: <https://nasiliu.net/pronasilie/glubinnoe-issledovanie-raboty-nasiliyu-net-o-chem-govoryat-sotrudniczy-adresnoj-pomoshhi-v-2024-godu/>. Дата обращения: 27.11.2025

«"Насилию.нет": вопреки ожиданиям, роста числа обращений из-за домашнего насилия за 2 года войны в Украине не зафиксировано», 2024 // *Новая газета*. Режим доступа: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/05/13/nasiliu-net-vopreki-ozhidaniyam-rosta-chisla-obrashcheniy-iz-za-domashnego-nasilija-za-2-goda-voyny-v-ukraine-ne-zafiksirovano>

Согласно данным проекта «Алгоритм света», в 2022–2023 гг. уровень домашнего насилия, после скачка в 2020–2021 гг. в связи с эпидемией COVID-19, вернулся к доковидным показателям⁸⁰. Такое расхождение между прогнозами и реальной картиной может иметь сразу несколько объяснений. Во-первых, несмотря на масштабы мобилизации и участия многих в боевых действиях, в настоящий момент относительно небольшое число участников боевых действий реально вернулось домой. Это означает, что последствия войны (психологические, социальные и семейные) еще не проявились, этот тренд станет заметным на более длинном временном промежутке. Во-вторых, даже когда участник боевых действий возвращается и совершает насилие в отношении женщины, не факт, что она обратится за помощью. Одной из причин правозащитники называют страх открыто говорить о насилии со стороны бывших военных в условиях новых законов, а именно боязнь попасть под статью о «дискредитации Вооруженных сил РФ», которая предусматривает наказание в виде штрафа до 5 миллионов рублей или лишение свободы до 15 лет⁸¹. Помимо этого, члены семей участников боевых действий могут не обращаться в независимые фонды, организации, помогающие женщинам, опасаясь их дискриминирующих статусов, либо потому что у них есть доступ к государственным фондам, поддерживающим семьи военных, и они предпочитают обращаться туда⁸².

В-третьих, женщины часто понимают, что система, скорее всего, не будет на их стороне. Практика показывает, что насилие со стороны бывших военных не так строго карается, и суды и правоохранительные органы часто снисходительны к участникам боевых действий⁸³. Особенно уязвимыми в свете этих изменений в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве становятся женщины и дети.

По данным независимого издания «Верстка», бывшие заключенные, вернувшись с территории военных действий, регулярно нападают на мирных граждан и чаще убивают женщин⁸⁴. С момента начала войны в Украине 378 человек погибли от рук бывших участников боевых действий, и еще 376 получили тяжкий вред здоровью⁸⁵. В трети случаев пострадавшими оказывались женщины.

Помимо этого, за последние три года наблюдается резкий скачок в делах о сексуализированном насилии в отношении несовершеннолетних — количество таких дел увеличилось в шесть раз⁸⁶. При анализе дел о побоях за последние

[obrashchenii-iz-za-domashnego-nasilija-za-2-goda-voiny-v-ukraine-ne-zafiksirovano-news](https://algorithmsveta.com/%d0%b0%d0%bb%d0%b3%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%82%d0%bc-%d1%81%d0%b2%d0%b5%d1%82%d0%b0-2022-2023/). Дата обращения: 27.11.2025

⁸⁰ Масштабы домашнего насилия в России за 2022–2023 годы // *Алгоритм света*. Режим доступа: <https://algorithmsveta.com/%d0%b0%d0%bb%d0%b3%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%82%d0%bc-%d1%81%d0%b2%d0%b5%d1%82%d0%b0-2022-2023/>. Дата обращения: 27.11.2025

⁸¹ «Воевал с Украиной — можешь спокойно убивать в России». Домашнее и партнерское насилие на фоне войны», 2024 // *Настоящее время*. Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/domashnee-i-partnerskoe-nasilie-v-rossii-na-fone-voyny/32713623.html>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁸² «Глубинное исследование работы «Насилию.нет»: о чем говорят сотрудницы адресной помощи в 2024 году» 2024 // *Насилию.Нет*. Режим доступа: <https://nasiliu.net/pronasilie/glubinnoe-issledovanie-raboty-nasiliyu-net-o-chem-govoryat-sotrudniczy-adresnoj-pomoshhi-v-2024-godu/>. Дата обращения: 27.11.2025

⁸³ «СВОенное время: как в России привлекают к ответственности за преступления участников спецоперации», 2025 // *Консорциум женских неправительственных объединений*. Режим доступа: <https://wcons.net/novosti/svoennoe-vremja-kak-v-rossii-privlekajut-k-otvetstvennosti-za-prestuplenija-uchastnikov-specoperacii/>. Дата обращения: 27.11.2025

⁸⁴ «Более 750 жертв: как вернувшиеся в Россию участники войны в Украине снова убивают и калечат», 2025 // *Верстка*. Режим доступа: <https://verstka.media/kak-vernushiesya-v-rossiyu-uchastniki-voiny-v-ukraine-snova-ubivayut-i-kalechat>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁸⁵ «Почти 500 жертв: как вернувшиеся в Россию участники войны в Украине снова убивают и калечат», 2024 // *Верстка*. Режим доступа: <https://verstka.media/veterany-svo-ubili-i-pokalechili-v-rossii-pochti-500-chelovek>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁸⁶ Желянов И., 2024. «Юные жертвы «украинского синдрома»». // *Точка*. Режим доступа: <https://>

4,5 года выяснилось, что в 62–73% случаев жертвами становились жены, матери, сестры и дети бывших участников боевых действий⁸⁷. Наказание для них в большинстве случаев оказывалось минимальным — штраф в 5 тысяч рублей, обязательные работы или условное ограничение свободы.

Еще одна тенденция, которая возникла после начала войны, — возможность избежать уголовного наказания за совершенные преступления в отношении женщин, подписав контракт на военную службу⁸⁸. Показательно в этом отношении помилование Владислава Канюса, который был приговорен к 17 годам лишения свободы за жестокое убийство своей девушки Веры Пехтелевой⁸⁹. В колонии он не провел и шести месяцев, был помилован и отправлен на фронт.

Практика освобождения обвиняемых и осужденных при заключении контракта с Министерством обороны фактически превратила участие в боевых действиях в инструмент ухода от правосудия. Подобные случаи зафиксированы и на Северном Кавказе. К примеру, случай Кристины Коковой, 22-летней жительницы Подмосковья, убитой в Чечне в сентябре 2024 года. Этот кейс был достаточно широко освещен в СМИ⁹⁰.

После развода с мужем дочь Кристины осталась в Чечне с отцом, и Кристина часто ездила туда, чтобы ее навестить. В очередной такой визит она была жестоко убита своим свекром Умаевым Русланом. Последний ранее был судим за наркотики. По свидетельствам семьи Кристины, он неоднократно угрожал Кристине расправой, утверждал, что обладает связями, которые позволяют ему избежать наказания. Убийство своей бывшей невестки он оправдывал тем, что руководствовался соображениями чести, потому что, по его словам, она вела «аморальный образ жизни». Несмотря на его чистосердечное признание и наличие доказательств, в феврале 2025 года Умаев был освобожден из СИЗО и направлен в штурмовое подразделение для участия в войне⁹¹.

Этот случай показывает сочетание таких факторов, как использование понятия чести как оправдания убийства и превращения войны в механизм ухода от ответственности. Эти факторы в совокупности усиливают риски для женщин в северокавказском регионе, где социальный контроль и практика насилия поддерживаются и на уровне семейных структур. Аргумент о защите чести часто используется совершившими убийство женщины мужчинами для получения более мягкого срока⁹². В некото-

pointmedia.io/story/66431f5dd69aa0bc05e3532c. Дата обращения: 27.11.2025.

⁸⁷ «Беззащитные перед защитниками», 2024 // *Верстка*. Режим доступа: <https://verstka.media/nasilie-nad-zhenschinami-obhoditsia-uchastnikam-boevykh-deystviy-v-5-t-r-issledovanie>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁸⁸ Назарова Н., 2023. «Кошунство, надругательство над всеми нами». Как убийц милуют после участия в войне, а матери жертв пытаются с этим бороться», 2023 // *Русская служба Би-Би-Си*. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/articles/c0xvqw1wyy2o>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁸⁹ «Путин помиловал убийцу кемеровской студентки Веры Пехтелевой. Ее родители узнали об этом спустя полгода», 2023 // *Русская служба Би-Би-Си*. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/articles/cl5pd58nkgqo>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁹⁰ «Она думала, что всё будет как в турецких сериалах», 2024 // *База*. Режим доступа: <https://kristina.baza.io/>. Дата обращения: 27.11.2025.

«Ей очень хотелось семью: как Кристина из Подмосковья погибла от рук свекра из Чечни», 2024 // *Даптар*. Режим доступа: <https://daptar.ru/2024/12/03/ei-ochen-khotelos-semyu-kak-kristina-iz-podmoskovya-pogibla-ot-ruk-svekra-iz-chechni/>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁹¹ «Совершившего «убийство чести» жителя Чечни отпустили на войну», 2024 // *Радио Свобода*. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/sovershivshego-ubiystvo-chesti-zhitelya-chechni-otpustili-na-voynu/33313886.html>. Дата обращения: 27.11.2025.

⁹² Сиражудинова С., 2023. «Домашнее насилие на Северном Кавказе: отчет по результатам мониторинга ситуации в регионе и анализа судебной практики» // *Кавказский узел*. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/395756>. Дата обращения: 27.11.2025.

рых республиках такой аргумент находит отклик даже среди судей⁹³.

Заключение

Насилие в отношении женщин и девушек в России, особенно в некоторых республиках Северного Кавказа, носит системный характер. Домашнее насилие, принудительные браки, преследование за попытку уйти от контроля семьи и борьба за опеку над детьми происходят не просто в условиях бездействия государства, а зачастую поддерживаются государственными структурами, что делает положение женщин чрезвычайно уязвимым. В Чечне, Ингушетии и Дагестане роль государства в этих процессах особенно видима. Здесь семейный контроль и патриархальные нормы не просто сосуществуют рядом с государством, а фактически переплетаются с ним, превращая государственные институты в инструмент давления, используемый в интересах семьи или частных лиц.

Эти практики укоренены настолько глубоко, что вмешательство государства в дела, связанные с домашним насилием или побегам женщин из семьи, чаще всего осуществляется не для защиты, а для возвращения женщины в ту же среду, где ее жизни угрожает опасность. Наше исследование показывает, что механизмы давления повторяются с пугающей регулярностью. Женщин объявляют в розыск, возбуждают сфабрикованные уголовные дела, задерживают в любой точке России, порой даже в странах ближнего зарубежья, после чего передают родственникам, несмотря на прямые заявления женщин о насилии и угрозах жизни. Полиция охотно запускает эту систему, особенно если за женщиной стоят влиятельные семьи или сотрудники силовых ведомств. Ни один из рассмотренных в рамках исследования кейсов, связанных с побегам женщин, не показывает работающего механизма защиты.

Дополнительный уровень угрозы создает влияние войны в Украине. Участники боевых действий, совершивших насилие в отношении женщин, получают снисхождение в судах. Их прежние преступления игнорируются, участие в боевых действиях становится смягчающим обстоятельством. На фоне общей безнаказанности это создает для женщин дополнительный риск, поскольку угроза насилия исходит от людей, которые прошли через боевые действия и пользуются поддержкой государства. После окончания военных действий эта проблема, скорее всего, усугубится.

Отдельного внимания заслуживает положение правозащитников. Юристы, адвокаты, сотрудники шелтеров и активисты становятся объектом угроз, слежки и насилия. На них оказывают давление родственники женщин, силовики, представители региональных властей. В этих условиях правозащитная деятельность превращается в реальную угрозу жизни и безопасности.

Все эти данные позволяют сделать вывод о том, что женская безопасность не является приоритетом государства. Более того, сама государственная система встраивается в патриархальные механизмы контроля, усиливая и легитимируя насилие.

Системность нарушений прав женщин требует комплексных решений. Прежде всего, необходимо прекратить практики насильственного возвращения женщин и девушек в семьи. У правоохранительных органов не должно быть возможности передавать совершеннолетних девушек и женщин родственникам. Необходимо привлекать к ответственности сотрудников, участвующих в передаче женщины или совершеннолетней девушки родственникам против ее воли или в ее незаконном задержании, а именно: необходимо проводить внутренние служебные проверки в отношении этих лиц с последующим при-

⁹³ Там же

влечением к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения; привлекать к уголовной ответственности по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

Обязательной мерой является внедрение единых стандартов регистрации сообщений о домашнем насилии и надлежащего расследования. Защита прав женщин невозможна без исполнения судебных решений по делам об опеке, включая запрет передавать исполнительные производства в регионы, где есть риск давления со стороны родственников или властей. Также необходимо предусмотреть механизм передачи исполнительных производств в нейтральный регион в случаях, когда риск давления существует в регионе проживания.

Кроме того, требуется прекратить вмешательство муфтиятов, религиозных и других неформальных структур в правоприменение, особенно в делах об опеке, расторжении брака, разводах, где аргументы «традиции» часто используются для оправдания дискриминации в отношении женщин.

Важным шагом также станет создание системы государственных и/или под-держка негосударственных шелтеров, которые должны иметь гарантии безопасности.

России нужен отдельный закон о домашнем насилии. Кроме того, государство обязано выполнить свои международные обязательства, включая исполнение решений Европейского суда по правам человека по делам, поданным до исключения России из Совета Европы.

Одновременно с этим, в рамках все еще действующих международных стандартов международные структуры должны усилить систему реагирования по делам домашнего насилия, запрашивать объяснения по каждому случаю насильственного возвращения женщин в семью, а также требовать проведения расследования исчезновений и убийств женщин и девушек (Седа Сулейманова, Селима Исмаилова, Айшат Баймурадова и др.).

Важно расширять гуманитарные программы для женщин, бегущих от насилия из регионов повышенного риска, а также поддерживать правозащитников, предоставляя им ресурсы для цифровой и физической безопасности.

Существующее положение дел не просто не обеспечивает защиты женщин, а часто становится прямым источником угрозы. Приватизация силового ресурса, идеология традиционных ценностей, безнаказанность за насилие и игнорирование международных стандартов формируют среду, в которой женщины лишены эффективных механизмов защиты. Для многих женщин возможность спасения оказывается связана не с внутренними механизмами государства, а с возможностью покинуть страну. Без признания системного характера проблемы и внедрения соответствующих мер по ее устранению ситуация будет только усугубляться.

